

ЛИЗА ЛАВ

КЛУБ
«ИДЕАЛЬНЫХ
МАТЕРЕЙ»

Лиза Лав

Клуб идеальных матерей

«Автор»

2026

Лав Л.

Клуб идеальных матерей / Л. Лав — «Автор», 2026

После переезда в благополучный район Клара Моро надеется только на одно — дать сыну хорошую школу и спокойно начать новую жизнь. Но в мире, где все улыбаются слишком правильно, а чужие проблемы решаются слишком быстро, помощь никогда не бывает бесплатной. Закрытый клуб идеальных матерей оказывается не сообществом поддержки, а тонко устроенной системой контроля, в которой дружба — инструмент, лояльность — валюта, а репутация может разрушить жизнь быстрее любого скандала. Чем глубже Клара погружается в этот круг, тем яснее понимает: здесь защищают не семьи, а тайну, которую нельзя выпустить наружу.

© Лав Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лиза Лав

Клуб идеальных матерей

Глава 1

Клара Моро впервые увидела улицу Сен-Элен ранним утром, когда грузовик с вещами еще стоял у дома с распахнутыми дверцами, а воздух пах влажной землей, стриженными кустами и дорогой краской. Район казался слишком тихим, чтобы быть настоящим. Не уютным — именно выверенно тихим, как пространство, в котором заранее исключили все случайное: громкие голоса, старые машины, плохо подстриженные живые изгороди, детские игрушки на газонах, неуместную усталость на лицах.

Дома тянулись вдоль улицы на одинаково безупречной дистанции друг от друга — светлый камень, широкие окна, черные кованые ворота, молодые платаны, аккуратно подвязанные так, словно и они пока не заслужили полной свободы. На подъездной дорожке соседнего дома стоял темно-синий автомобиль, отполированный до зеркального блеска. Чуть дальше женщина в кремовом спортивном костюме выгуливала собаку, и даже собака выглядела здесь уместнее, чем Клара в старых джинсах и куртке, надетой наспех после дороги.

— Мам, это теперь наш дом? — спросил Лео, стоя рядом с ней и шурясь на свет.

Он еще не до конца проснулся. Волосы на затылке торчали, шнурок на кроссовке волочился по плитке. В его голосе звучало не столько любопытство, сколько настороженность.

Клара посмотрела на фасад — светлый, с высокими окнами и узким балконом над входом. Дом был красивее, чем на фотографиях агентства. И, как все слишком красивые вещи, вызывал у нее не радость, а сомнение.

— Да, — сказала она. — Похоже, что теперь наш.

Лео ничего не ответил. Он прижался плечом к ее руке, и Клара почувствовала, каким напряженным было его маленькое тело. Переезд он перенес хуже, чем говорил. В последние недели он стал тише, чаще уходил в себя, слишком быстро раздражался по пустякам и слишком долго молчал после. Адриан называл это нормальной адаптацией. Клара не спорила. У Адриана ко всему были названия, которые делали вещи менее тревожными.

Сам Адриан в этот момент отдавал указания грузчикам с той спокойной уверенностью, которая всегда вызывала у нее двойственное чувство — облегчение и раздражение одновременно. Он стоял чуть поодаль, в темном пальто, уже собранный, будто переезд был не семейным срывом из одной жизни в другую, а еще одной задачей в череде задач, которые он привык решать без суеты. Мужчины слушали его внимательно. Адриан говорил негромко, но так, что его невозможно было перебить.

Клара перевела взгляд на верхние окна. За одним из них мелькнуло ее собственное отражение — смазанное, чужое. На секунду ей показалось, что в доме кто-то уже есть и наблюдает за ними изнутри. Это чувство исчезло так же быстро, как появилось, но неприятный след остался.

— Ты замерз? — спросила она у Лео.

— Нет.

— Хочешь зайти внутрь?

Он пожал плечами.

Клара знала этот жест. Он значил: я не хочу говорить, потому что если начну, ты поймешь, что мне страшно.

Она наклонилась и поправила ему воротник.

— Там будет лучше. Посмотришь свою комнату еще раз.

— Она слишком большая, — сказал Лео.

— Это плохо?

— Не знаю.

Клара слабо улыбнулась. Она и сама не знала.

Дом внутри был наполнен эхом. Каждый шаг отдавался в пустых комнатах чуть громче, чем должен был. В прихожей пахло деревом, свежей штукатуркой и чем-то холодным, почти гостиничным. На полу уже стояли коробки с посудой, книгами и вещами Лео, небрежно помеченные черным маркером. Из кухни доносился голос Адриана. Он говорил по телефону — коротко, деловито, будто не переезжал, а лишь ненадолго сменил декорации.

Клара провела ладонью по гладкой стене. Все было безупречно. Слишком безупречно для места, в котором предстояло жить, ссориться, болеть, не высыпаться, терять терпение, забывать вынуть белье из машинки, ронять чашки, прятать слезы от ребенка, готовить ужин в плохом настроении. Дом был похож не на начало жизни, а на ее витрину.

Она услышала, как открылась входная дверь.

— Месье Моро? — произнес женский голос. — Простите, что без предупреждения.

Клара обернулась.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти, стройная, в светлом пальто и тонких кожаных перчатках, которые она не спешила снимать. Ее волосы были уложены так аккуратно, будто ветер в этом районе по какой-то причине обходил ее стороной. В руках она держала длинную белую коробку, перевязанную темно-зеленой лентой.

Адриан вышел из кухни почти сразу, будто ожидал кого угодно, кроме удивления.

— Доброе утро, — сказал он с вежливой улыбкой.

Женщина перевела взгляд на Клару, и ее лицо стало еще мягче, хотя Клара почему-то почувствовала в этой мягкости усилие.

— Я Беатрис Делорм, — сказала она. — Живу через два дома. Добро пожаловать.

Она протянула коробку Кларе.

— Небольшой знак внимания. В нашем районе принято помогать новым соседям пережить первые дни.

Клара взяла коробку автоматически. Она была тяжелее, чем казалась.

— Спасибо, это очень любезно.

— О, не стоит. Мы здесь стараемся заботиться друг о друге. Особенно о семьях с детьми.

При слове «дети» взгляд Беатрис ненадолго скользнул мимо Клары — вглубь дома, будто она уже знала, кого и где искать.

— Ваш сын? — спросила она.

Лео выглянул из-за лестницы и сразу снова спрятался.

Беатрис улыбнулась ему с точной дозой участия.

— Не волнуйся, здесь быстро привыкают. В особенности если ребенок поступает в Сен-Бернар.

Клара почувствовала, как внутри все слегка сжалось.

— Вы знаете о школе? — спросила она.

— Разумеется. Мы все так или иначе связаны с ней.

Беатрис сказала это просто, но в ее тоне прозвучало нечто большее, чем обычная соседская осведомленность. Не гордость даже — право.

Адриан, кажется, ничего не заметил.

— Нам повезло, что место освободилось, — сказал он.

— В таких вещах редко помогает только везение, — ответила Беатрис и снова улыбнулась, на этот раз уже почти незаметно. — Но, уверена, Клара скоро во всем разберется.

Ее голос был безупречно теплым. Именно это и насторожило Клару сильнее всего.

После ухода Беатрис дом долго еще сохранял ее присутствие — не в буквальном смысле, а как сохраняют в воздухе дорогие духи: почти неуловимо, но настойчиво. Клара поставила коробку на кухонный остров и не открывала ее несколько минут. Адриан тем временем снова вернулся к грузчикам, к звонкам, к таблицам в телефоне, к той разновидности реальности, где каждая вещь имеет порядок и срок исполнения.

Лео поднялся наверх, и по звуку шагов Клара поняла, что он ушел в свою комнату.

Она наконец развязала ленту.

В коробке лежали маленькие пирожные, идеально одинаковые, словно их отлили по форме. Рядом — карточка, написанная от руки ровным почерком:

Рады приветствовать семью Моро на улице Сен-Элен. До скорой встречи. Беатрис Делорм.

Ни номера телефона. Ни лишних слов. Только уверенность, что встреча состоится независимо от того, хочет этого Клара или нет.

— Милый жест, — сказал Адриан, появляясь в дверях.

Клара посмотрела на него.

— Ты ее раньше видел?

— Нет.

— Ты не удивился.

Он пожал плечами.

— Это нормальная история для таких мест. Люди здесь держатся определенного круга.

— Именно это мне и не нравится.

— Клара.

Он произнес ее имя спокойно, но в этом спокойствии уже слышалось предупреждение. Не спорь сейчас. Не начинай. Не превращай ощущение в проблему.

— Что? — спросила она.

— Мы сами выбрали этот район.

— Я знаю.

— И школу тоже.

— Я знаю, Адриан.

Он подошел к столу, взял карточку, мельком прочитал и положил обратно.

— Нам нужно, чтобы все прошло гладко. Особенно для Лео.

Эта фраза прозвучала как аргумент, который всегда закрывал разговор. Ради Лео. Ради его будущего. Ради стабильности. Ради того, чтобы однажды все это оказалось оправданным.

Клара отвернулась к окну.

С улицы район выглядел почти нарисованным. Женщина с собакой уже исчезла. По тротуару медленно проехал электромобиль охраны. У ворот напротив стояла девочка лет десяти в школьной форме — темно-синее пальто, берет, белые гольфы. Она ждала кого-то взрослого, не двигаясь, как маленькая рекламная фигурка без права на неидеальность.

— Я схожу к Лео, — сказала Клара.

Наверху было тише. В комнате сына стояли коробки, письменный стол у окна и собранная наспех кровать. Лео сидел на полу, обняв колени.

— Ты не распаковываешься?

— Потом.

Клара села рядом, не слишком близко.

— Что думаешь?

Он долго молчал.

— Тут странно.

— Почему?

Лео пожал плечами, глядя в окно.

— Как будто здесь нельзя шуметь.

Клара невольно посмотрела туда же. На улице никого не было. Только ровная линия кустов, светлый камень дорожек и неподвижность, которая действительно казалась неестественной.

— Может, просто непривычно, — сказала она.

— А если я не понравлюсь в школе?

Клара повернулась к нему.

— С чего ты так решил?

— Они все уже друг друга знают.

Она хотела ответить сразу, уверенно, как и положено матери, но вместо этого вспомнила взгляд Беатрис, ее легкую фразу о школе, то, как естественно она произнесла «мы все связаны с ней».

— Ты понравишься, — сказала Клара наконец. — И даже если не всем сразу, это ничего не значит.

Лео кивнул, но не потому, что поверил. Скорее потому, что разговор был закончен.

Когда она уже спускалась вниз, ее телефон завибрировал.

Сообщение пришло с незнакомого номера.

Добро пожаловать, Клара. Если вам понадобится помощь со школой, расписанием или знакомством с другими матерями, я с удовольствием помогу. Беатрис Делорм.

Клара остановилась на лестнице.

Она не давала Беатрис свой номер.

Несколько секунд она просто смотрела на экран, чувствуя, как по спине медленно проходит холодок.

Потом внизу раздался голос Адриана:

— Все в порядке?

Клара заблокировала телефон.

— Да, — ответила она.

Это было первое неправдивое слово, которое она произнесла в новом доме.

Через два дня Клара впервые поехала в школу одна.

Утро выдалось прозрачным и холодным. Лео сидел на заднем сиденье слишком прямо, в новой форме, которая делала его старше и одновременно беззащитнее. Темно-синий пиджак был чуть велик в плечах, воротник рубашки натирал шею, и Клара заметила, что он уже третий раз поправляет манжеты.

— Нормально? — спросила она, когда остановилась у светофора.

— Да.

— Точно?

— Мам.

— Ладно.

Она сжала руль чуть крепче.

Школа Сен-Бернар оказалась именно такой, какой и должна была быть школа, где место стоит дороже, чем год обучения в хорошем университете. Светлый камень, широкая подъездная аллея, ухоженные лужайки, стеклянный административный корпус, старое основное здание с высокими окнами и часовней сбоку — все вместе производило впечатление не образовательного учреждения, а частного мира, давно решившего, кто имеет право в него входить.

На парковке уже стояли машины. Матери выходили из них с той особенной собранностью, которая не требует спешки, потому что уверена в своем положении. Дети в форме шли рядом, кто-то смеялся, кто-то держал няню за руку, кто-то уже с семи лет выглядел так, будто знал цену фамилии.

Лео наклонился вперед и тихо спросил:

— Мне идти самому?

Клара обернулась.

— Хочешь, я провожу тебя до входа?

Он замялся — достаточно, чтобы она поняла ответ.

— Да.

Они вышли из машины. Воздух был резким, пах мокрым камнем и листвой. Клара чувствовала на себе взгляды, хотя, возможно, это было лишь внутреннее напряжение, обострившее все вокруг. Лео шел рядом молча, с рюкзаком за спиной, слишком крепко вцепившись в лямку.

У главного входа их встретила администратор с безупречной улыбкой и бейджем на лацкане.

— Доброе утро. Новенький? — спросила она.

— Да, Лео Моро, — ответила Клара.

Женщина сразу нашла его имя в списках.

— Разумеется. Для вас уже все подготовлено.

Снова эта формулировка. Уже все подготовлено.

Словно здесь не просто ждали их, а заранее встроили в нужное место.

Из-за ее плеча раздался знакомый голос:

— Клара.

Она обернулась слишком быстро.

Беатрис Делорм стояла в нескольких шагах от нее в темно-сером пальто и тонких перчатках, будто они были частью формы, а не одеждой. Рядом с ней — высокая светловолосая женщина с идеально прямой спиной и девочка лет восьми, удивительно похожая на мать.

— Я надеялась, что увижу вас сегодня, — сказала Беатрис. — Первый день всегда немного трудный.

Клара заставила себя улыбнуться.

— Да. Мы только приехали.

— Позвольте представить. Шарлотта Бове.

Светловолосая женщина кивнула с легкой, безошибочно отточенной приветливостью.

— Наслышана о вас, — сказала она.

Эти слова прозвучали так естественно, как будто между ними не было ничего странного. Но Клара сразу ощутила ту самую пустоту под вежливостью, где обычно прячется не информация, а оценка.

— Надеюсь, только хорошее, — ответила она.

Шарлотта улыбнулась чуть шире.

— Здесь плохое стараются не произносить вслух.

Беатрис мягко коснулась локтя Клары — едва заметно, но достаточно, чтобы обозначить близость, на которую у нее пока не было права.

— После линейки у нас кофе в малом салоне для матерей начальной школы. Приходите. Вам будет полезно познакомиться со всеми сразу.

Клара посмотрела на Лео. Он стоял рядом, настороженно переводя взгляд с одной женщины на другую.

— Я не уверена, что сегодня...

— Обязательно приходите, — сказала Беатрис с прежней мягкостью. — В Сен-Бернар очень важно не оставаться в стороне.

Фраза была произнесена как совет. Прозвучала как правило.

В этот момент к Лео подошел молодой преподаватель и назвал его по имени. Лео вздрогнул, потом посмотрел на Клару.

Она опустилась перед ним на корточки, поправила ему воротник, хотя в этом не было необходимости.

— Все будет хорошо, — сказала она тихо.

Он кивнул.

Она смотрела, как он уходит через стеклянные двери вместе с другими детьми, маленький, напряженный, слишком одинокий среди идеально одетого порядка. И только когда он исчез внутри, Клара почувствовала, как сильно у нее дрожат пальцы.

— Первые дни тяжелы для всех, — произнесла Шарлотта.

— Особенно для тех, кто приходит извне, — добавила Беатрис.

Клара медленно выпрямилась.

— Простите?

— Я хотела сказать — для новых семей, — безупречно поправила себя Беатрис. — Но не беспокойтесь. Здесь умеют принимать тех, кто нам подходит.

На секунду между ними воцарилась тишина.

Потом Беатрис снова улыбнулась, как будто ничего двусмысленного не произошло.

— В одиннадцать, Клара. Малый салон, правое крыло. Вы легко найдете.

Она развернулась и пошла к лестнице, Шарлотта — рядом с ней. Они двигались спокойно, не оглядываясь, как люди, привыкшие, что приглашение равнозначно согласию.

Клара осталась у входа одна среди других родителей, голосов, шагов и школьного колокола, который прозвучал где-то внутри здания глухо и торжественно.

В кармане пальто завибрировал телефон.

Новое сообщение. Снова с незнакомого номера.

Не опаздывайте. Первое впечатление здесь имеет значение.

Без подписи.

Клара перечитала текст дважды.

Потом медленно подняла глаза на стеклянные двери школы, за которыми исчез Лео, и впервые совершенно ясно поняла, что переезд был не началом.

Это было вхождение.

Глава 2

Малый салон находился в правом крыле школы, за стеклянной галереей, выходившей окнами во внутренний сад. Клара нашла его не сразу, хотя указатели были на каждом повороте. Ей казалось, что она идет слишком медленно и слишком заметно, будто уже одним своим присутствием нарушает невидимый порядок этого места.

Помещение оказалось больше, чем можно было ожидать от слова «малый». Высокие окна, светлые стены, лепнина, живые цветы на круглых столах, серебряные кофейники, фарфор с тонким синим кантом. В дальнем углу стоял длинный буфет с выпечкой и фруктами, к которому почти никто не подходил. Женщины собирались маленькими группами по три-четыре человека и разговаривали вполголоса, с тем выражением лиц, при котором улыбка выглядит не проявлением эмоции, а социальным навыком.

Клара остановилась у входа.

На мгновение ей показалось, что разговоры не стихли, а просто изменили тональность, подстроились под ее появление. Несколько взглядов скользнули по ней и тут же отвернулись. Кто-то заметил ее пальто, сумку, обувь. Кто-то, возможно, узнал имя. Кто-то уже знал больше, чем должен был.

Беатрис Делорм подошла к ней почти сразу.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она так, словно Клара только что приняла правильное решение на экзамене, результатов которого еще не понимала.

Сегодня Беатрис была в темно-синем костюме, строгом и безупречном. На лацкане поблескивала маленькая брошь в форме лилии. Клара не помнила, видела ли такой символ на школьных эмблемах, но почему-то решила, что должна была видеть.

— У меня было немного времени, — ответила она.

— В начале всегда его не хватает, — мягко сказала Беатрис. — А потом обнаруживается, что все самое важное решается именно в таких комнатах.

Она произнесла это почти шутливо, но Клара уловила в ее голосе оттенок, исключавший любую случайность.

Беатрис слегка развернула ее к остальным.

— Дамы, познакомьтесь. Клара Моро.

Женщины одна за другой приветствовали ее с одинаково отточенной любезностью. Имена скользили мимо, не задерживаясь в памяти: Софи, Изабель, Марианна, Элен. Несколько рукопожатий, несколько коротких фраз, несколько быстрых оценивающих взглядов. Кто-то сказал, что слышал о переезде семьи Моро. Кто-то поинтересовался, нравится ли им район. Кто-то сразу спросил, в какой класс определили Лео.

Шарлотта Бове стояла чуть в стороне, держа чашку обеими руками, и наблюдала за Кларой с тем сосредоточенным спокойствием, которое не выдает ни симпатии, ни враждебности.

— Ваш сын в классе мадам Роше, верно? — спросила темноволосая женщина с жемчужной нитью на шее.

— Да, — ответила Клара.

— Хороший выбор.

Клара не сразу поняла, что именно в этой фразе было странным.

— Разве у нас был выбор?

Женщина улыбнулась.

— Официально — нет.

Кто-то тихо рассмеялся. Не громко, не зло, но ровно настолько, чтобы Клара почувствовала, что пропустила правило, о существовании которого ее никто не предупредил.

Беатрис подняла кофейник.

— Кофе?

— Да, спасибо.

Она налила Кларе сама.

— Вам нужно немного времени, чтобы освоиться. Не бойтесь спрашивать, если что-то будет непонятно. У школы много тонкостей.

— Я уже это заметила, — сказала Клара.

Беатрис улыбнулась.

— Мы все через это проходили.

Шарлотта сделала глоток кофе и спокойно добавила:

— Некоторые легче, чем другие.

На этот раз Клара посмотрела прямо на нее.

— Это зависит от чего?

— От того, насколько человек понимает, где оказался, — ответила Шарлотта.

Несколько секунд никто не говорил. Потом Беатрис, словно не желая закреплять неловкость, легко сменила тему:

— Кстати, в пятницу у нас благотворительный вечер. Небольшой ужин в пользу школьного фонда. Очень камерно. Вам обязательно стоит прийти.

— Мы еще не успели ничего распланировать, — осторожно сказала Клара.

— Тем более, — ответила Беатрис. — Это лучший способ войти в курс дела.

Снова не приглашение, а формула включения.

Клара взяла чашку обеими руками, чтобы никто не заметил, как она напряглась.

— Я должна обсудить это с мужем.

— Конечно, — сказала Беатрис. — Но, думаю, Адриан поймет, насколько важно с самого начала наладить правильные связи.

От того, как легко она произнесла имя ее мужа, Кларе стало не по себе.

— Вы знакомы?

— Мы здесь все в какой-то степени знакомы, — отозвалась Беатрис. — Особенно если речь идет о семьях, которые приходят в Сен-Бернар.

Шарлотта отвела взгляд к окну.

— Вопрос лишь в том, кто и сколько уже успел о вас узнать.

Клара почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Простите, это у вас здесь такой способ поддержать новичка?

Шарлотта впервые улыбнулась по-настоящему, хотя эта улыбка не сделала ее мягче.

— Нет. Это наш способ не лгать.

Беатрис поставила кофейник на стол.

— Шарлотта иногда выражается излишне прямо.

— Зато полезно, — сказала та.

Клара уже собиралась ответить, когда у двери появилась еще одна женщина — светлокожая, с короткими каштановыми волосами и лицом, на котором тревога проступала даже сквозь макияж. Она остановилась на пороге, будто передумала входить, но было поздно: Беатрис ее заметила.

— Клэр, вы все-таки пришли.

В голосе Беатрис слышалась приветливость, но Клара уловила в нем и что-то еще — еле заметный контроль.

Клэр Обри кивнула и заставила себя подойти ближе.

— Да. Ненадолго.

— Вы знакомы? — спросила Беатрис и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Клара Моро, это Клэр Обри. Клэр у нас одна из самых преданных матерей школы.

Слово «преданных» прозвучало слишком точно, чтобы быть случайным.

Клэр протянула Кларе руку. Ее пальцы были холодными.

— Очень приятно, — сказала она.

— Взаимно.

Клэр задержала взгляд на лице Клары чуть дольше, чем требовала вежливость. В этом взгляде было что-то похожее на предупреждение, но слишком быстрое, чтобы его можно было назвать уверенно.

— Как проходит первый день? — спросила Клэр.

— Пока спокойно.

— Это ненадолго, — сказала Шарлотта.

— Шарлотта, — мягко одернула ее Беатрис.

— Что? Я имела в виду адаптацию ребенка.

— Разумеется, — ответила Беатрис.

Клара сделала маленький глоток кофе. Он оказался слишком крепким.

Разговор снова распался на несколько отдельных линий, и Клара заметила, как легко эта группа умеет включать и исключать человека из общего внимания. В один момент на нее смотрели все, в следующий — никто. Женщины говорили о расписании факультативов, о преподавателе музыки, о новой программе обмена, о поставщиках цветов для благотворительного вечера. За каждой внешне безобидной темой угадывалась структура, в которой информация означала не просто осведомленность, а положение.

Клэр стояла рядом, сжимая чашку так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— У вас сын? — спросила она тихо, почти не глядя на Клару.

— Да. Лео.

— Первый год здесь всегда тяжелый.

— Вы это уже проходили?

Клэр кивнула.

— Да.

Она замолчала. Клара ждала продолжения, но его не последовало.

— И как? — спросила она.

Клэр открыла рот, будто собираясь ответить, но в этот момент Беатрис повернулась к ним:

— Клэр, милая, я так и не поблагодарила вас за вчерашние документы. Вы меня буквально спасли.

Клэр сразу опустила взгляд.

— Ничего особенного.

— Для вас, возможно. Не для всех.

Это было сказано ласково, почти интимно. Но Клара увидела, как после этих слов Клэр еще больше напряглась.

Чуть позже, когда Беатрис отвлеклась на других, Клэр наклонилась к Кларе ближе.

— Если сможете, не отвечайте сразу ни на что, — сказала она почти шепотом.

Клара не успела переспросить.

— Клэр? — Беатрис даже не повысила голос, но та вздрогнула и мгновенно выпрямилась. — Я вас потеряла.

— Простите.

Клара смотрела на них обеих, не понимая, что именно только что произошло, но ясно ощущая сам факт: что-то произошло.

Через несколько минут салон оживился еще больше. Женщины начали собираться ближе к центру комнаты, и Беатрис, не вставая на возвышение и не требуя тишины, каким-то образом добила того, что все внимание естественно перешло к ней.

— Дорогие, буквально два слова, — сказала она. — В пятницу, как вы знаете, у нас ужин фонда. Мы должны показать хороший результат, особенно в этом году. Школа расширяет программу стипендий, а это всегда требует правильной подачи, правильных лиц и, конечно, правильной поддержки.

Некоторые закивали еще до того, как она закончила.

— Списки гостей я вышлю сегодня вечером. Прошу всех подтвердить участие до завтрашнего полудня. И, пожалуйста, если вы приводите новых людей, предупреждайте заранее. Мы должны сохранять атмосферу.

Это последнее слово повисло в воздухе с той особенной тяжестью, какая бывает у слов, означающих намного больше, чем их словарный смысл.

Когда короткое выступление закончилось, разговоры возобновились, но уже в ином ключе — более практичном, более собранном. Клара заметила, что несколько женщин тут же подошли к Беатрис по очереди, как к человеку, от которого зависит не только организация вечера.

Шарлотта оказалась рядом с Кларой неожиданно.

— Вы напуганы, — сказала она, не как вопрос, а как наблюдение.

— А должна быть?

— Пока нет.

— Обнадеживающе.

Шарлотта поставила чашку на поднос.

— Беатрис любит порядок. Здесь многие принимают это за заботу.

— А вы нет?

— Я принимаю это за то, чем оно является.

— И чем же?

Шарлотта посмотрела в сторону, где Беатрис что-то тихо говорила двум женщинам.

— Инструментом.

Прежде чем Клара успела уточнить, к ним подошла Беатрис.

— Шарлотта, вы снова пугаете наших новых знакомых?

— Только самых наблюдательных.

Беатрис улыбнулась Кларе.

— Не слушайте ее. У Шарлотты своеобразное чувство юмора.

— Я это уже поняла, — сказала Клара.

— Прекрасно. Тогда вы быстро освоитесь.

Еще одна фраза, в которой «освоиться» звучало как «принять правила».

Когда встреча начала распадаться окончательно, Клара решила, что может уйти, не привлекая лишнего внимания. Она уже дошла до двери, когда услышала за спиной тихий голос:

— Не приходите в пятницу одна.

Это была Клэр.

Клара обернулась.

Клэр стояла в тени у высокого окна, и лицо ее казалось еще бледнее, чем прежде.

— Что вы сказали?

Клэр быстро перевела взгляд куда-то мимо нее.

— Ничего. Забудьте.

— Вы только что...

— Я ничего не говорила, — перебила Клэр почти шепотом.

Потом развернулась и пошла к выходу из салона так быстро, будто боялась остаться на месте еще на секунду.

Клара проводила ее взглядом.

— Вы уже уходите? — спросила Беатрис, появляясь рядом так тихо, что Клара едва не вздрогнула.

— Да. Мне нужно забрать документы для Лео.

— Разумеется. Первый день всегда полон мелочей.

Беатрис стояла слишком близко. Ее духи были тонкими, сухими, почти холодными.

— Как вам у нас? — спросила она.

Клара помедлила.

— Впечатляет.

— Это хороший ответ, — сказала Беатрис.

Клара посмотрела на нее.

— А плохой?

— Тот, который произносят слишком рано.

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга.

Потом Беатрис сделала шаг назад и снова стала безупречно вежливой.

— До пятницы, Клара.

Это прозвучало не как предположение.

Клара вышла в галерею. За стеклом внутренний сад выглядел неподвижным, почти декоративным. Где-то в глубине школы звонил телефон, слышались шаги, чей-то смех, отдаленные детские голоса. Обычная жизнь. Но теперь она уже не казалась Кларе обычной.

На повороте к административному корпусу ее догнала сотрудница школы и передала папку с документами для Лео.

— Простите, мадам Моро, вас просили еще расписаться вот здесь.

Они подошли к высокой стойке у окна. Клара поставила подпись там, где показали.

— Спасибо, — сказала сотрудница. — И еще... директор просил передать, что будет рад встретиться с вами в удобное время. Просто чтобы убедиться, что адаптация проходит хорошо.

— Директор?

— Месье Делакур. Он всегда очень внимателен к новым семьям.

Слишком внимателен, подумала Клара.

— Конечно, — ответила она. — Позже я свяжусь с ним.

Она вышла на улицу и только там заметила, что держит папку слишком крепко.

На парковке ветер был сильнее, чем утром. Он гнал по асфальту сухие листья, и в этом простом беспорядке было что-то почти успокаивающее. Клара уже подошла к машине, когда увидела, что под дворником зажат маленький сложенный лист бумаги.

Сначала она решила, что это реклама или уведомление с парковки.

Но бумага оказалась слишком плотной, слишком аккуратно сложенной.

Она развернула листок.

Всего одна строчка, написанная от руки:

Если спросят про Вероник, скажите, что не знаете этого имени.

Клара перечитала записку, потом огляделась.

На парковке никого не было. Несколько машин отъезжали к воротам, у дальнего корпуса разговаривали двое мужчин в форме охраны, какая-то женщина села в темный внедорожник, не поднимая головы.

Никто не смотрел на нее.

И все же у Клара возникло отчетливое чувство, что именно сейчас за ней наблюдают особенно внимательно.

Она медленно смяла записку в ладони, села в машину и заперла двери раньше, чем успела себя за это осудить.

Только когда двигатель завелся, Клара поняла, что не помнит, слышала ли уже это имя раньше.

Вероник.

Но тело отреагировало быстрее памяти.

Значит, что-то она уже знала. Или почти знала.

Глава 3

Клара не выбросила записку.

Она положила ее в карман пальто, потом переложила в сумку, а дома, прежде чем подняться наверх к Лео, спрятала в ящик кухонного стола под стопку гарантийных талонов и инструкций к бытовой технике. Жест был почти машинальным и от этого казался еще более тревожным: словно она уже приняла правила игры, о которых никто не говорил вслух.

Дом встретил ее тишиной. Из кабинета доносился голос Адриана — он снова разговаривал по телефону. Спокойно, негромко, с той размеренной уверенностью, которая делала его похожим на человека, никогда не теряющего почву под ногами. Клара остановилась на секунду в прихожей, сняла пальто, повесила сумку и вдруг отчетливо поняла, как сильно не хочет сейчас рассказывать ему о салоне, о Клэр, о странном имени на записке и особенно о собственном ощущении, что она уже вошла туда, откуда не так просто выйти.

Адриан появился в дверях кабинета почти сразу, как будто почувствовал ее присутствие.

— Ну как? — спросил он.

— Нормально.

— Это «нормально» хорошее или твое обычное «нормально»?

— Пока не решила.

Он слабо улыбнулся.

— А Лео?

— До вечера не узнаем.

Адриан кивнул и подошел ближе.

— Ты была на встрече матерей?

Клара бросила на него быстрый взгляд.

— Откуда ты знаешь?

— Здесь все на таких встречах бывает.

Он произнес это буднично, но Клара задела даже не сама фраза, а то, насколько естественно она у него прозвучала.

— Ты тоже уже освоился, вижу.

— Я просто умею не воевать с обстоятельствами раньше времени.

— А я, значит, воюю?

— Я этого не сказал.

Нет, подумала Клара, ты сказал иначе — как всегда. Так, чтобы не за что было зацепиться.

— Там были Беатрис Делорм и еще несколько женщин, — сказала она. — Они очень... организованные.

— Это хорошо.

— Не уверена.

— Клара, — он чуть понизил голос, — если люди хотят помочь нам влиться в местную среду, это не обязательно заговор.

Она чуть не рассмеялась — коротко, почти беззвучно.

— Ты бы там понравился.

— Я и не сомневаюсь.

Это было сказано без тщеславия. Просто как факт. Именно это и раздражало сильнее всего.

Клара отвернулась к окну.

— Они уже знают слишком много.

— Например?

— Твое имя. Наши планы. Что Лео поступил в Сен-Бернар. Что мы недавно переехали. Что у нас «правильная» семья для этого места.

— Последнее ты додумала сама.

Она обернулась.

— Может быть.

Адриан несколько секунд смотрел на нее, потом устало провел ладонью по подбородку.

— Я не хочу начинать здесь с подозрений ко всем подряд.

— А я не хочу делать вид, что ничего странного не происходит.

— Странного пока произошло ровно столько, сколько происходит в любом закрытом обеспеченном сообществе. Люди собирают информацию, оценивают друг друга, выстраивают связи. Это неприятно, но не уникально.

Клара промолчала.

Уникальной была не информация. Уникальным было то, как быстро она почувствовала себя объектом, а не участницей.

— Ты что-то недоговариваешь, — сказал Адриан.

На секунду ей захотелось достать записку прямо сейчас, положить на стол между ними и посмотреть, изменится ли выражение его лица. Но она не сделала этого. Не потому, что не доверяла ему. Хуже. Потому что уже знала, каким будет его ответ: сначала рациональное объяснение, потом предложение не делать поспешных выводов, потом раздражение от ее интуиции, которую невозможно проверить.

— Нет, — сказала она. — Просто устала.

Он задержал на ней взгляд, но спорить не стал.

— Хорошо. Отдохни немного. Я заберу Лео, если не успеешь.

— Я сама поеду.

— Как хочешь.

Он вернулся в кабинет, а Клара осталась одна на кухне. В ящике лежала записка, и само знание об этом меняло вес комнаты, как меняет его спрятанный нож.

В половине четвертого она поехала за Лео.

Дети выходили из школы постепенно: кто с рюкзаками, кто с папками, кто уже на ходу рассказывая что-то няням или водителям. Клара увидела сына не сразу. Он шел последним из своей группы, рядом с полноватым мальчиком в очках, который что-то быстро говорил, почти не дыша. Лео слушал и иногда кивал. Уже это было лучше, чем она ожидала.

Когда он сел в машину, Клара обернулась к нему.

— Ну?

Он пожал плечами. Но сегодня в этом жесте было меньше напряжения, чем утром.

— Нормально.

— Это хорошее «нормально» или мое обычное?

Он впервые за день улыбнулся.

— Наверное, хорошее.

Клара почувствовала, как отпускает что-то внутри.

— Тебе понравился класс?

— Там один мальчик сидит рядом со мной. Поль. Он странный, но нормальный.

— Странный, но нормальный — это уже многообещающе.

— Он коллекционирует насекомых.

— Хорошо, что не учителей.

Лео хмыкнул и отвернулся к окну.

Несколько минут они ехали молча.

— Мам?

— Да?

— А у нас обязательно идти в пятницу?

Клара мгновенно напряглась.

— Куда именно?

— Поль сказал, что в пятницу будет ужин и что все родители туда идут. Он сказал, что если кто-то не приходит, это запоминают.

Она медленно сбросила скорость перед перекрестком.

— Он так и сказал?

— Ну... почти. Он сказал: «Моя мама говорит, что лучше не выпадать». Это одно и то же?

Клара смотрела на дорогу и чувствовала, как слова мальчика точно ложатся поверх слов Беатрис.

— Почти, — ответила она.

Лео помолчал.

— А почему они все друг друга знают?

— Потому что многие здесь давно.

— Нет. Я про другое.

Она не сразу поняла.

— Про что?

— Как будто они знают не просто имена.

Клара крепче сжала руль.

— Кто именно?

— Все.

Он ответил слишком быстро, а потом снова замолчал, будто сам не мог объяснить лучше.

Дома Лео сразу ушел в свою комнату. Адриан еще не закончил работу, и Клара воспользовалась этим, чтобы достать записку из ящика и перечитать ее еще раз.

Если спросят про Вероник, скажите, что не знаете этого имени.

Почерк был неровным, но не дрожащим. Писали быстро, на ходу или в спешке, и все же старательно. Она перевернула бумагу. Сзади ничего не было.

Клара достала телефон и, почти не думая, набрала в поиске: «Вероник Сен-Бернар», потом «Вероник Делорм», потом «Вероник школа Сен-Бернар». Результатов оказалось слишком много и одновременно слишком мало. Какие-то старые новости о благотворительных комитетах, страницы выпускников, фотографии школьных мероприятий, местная хроника. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Она уже собиралась убрать телефон, когда заметила на одном из снимков знакомое лицо. Беатрис.

Фото было трехлетней давности. Гала-вечер школьного фонда. Беатрис стояла в центре группы женщин в длинных платьях, улыбаясь в камеру. Рядом с ней — Шарлотта, еще две незнакомые Кларе женщины и одна брюнетка с короткими волосами, в которой было что-то смутно узнаваемое. Не имя — ощущение. Как если бы Клара видела ее где-то мельком и не запомнила сознательно.

Подпись к фото гласила:

Комитет матерей Сен-Бернар под руководством Беатрис Делорм и Вероник Арден.

Клара приблизила изображение. Брюнетка стояла слева от Беатрис. Высокая, красивая, с открытым лицом и слишком живым взглядом для этой выверенной группы. На ее плече лежала рука Беатрис — уверенно, почти собственнически.

Вот она. Вероник.

Клара почувствовала тот особый холод, который приходит не от страха, а от совпадения. В этот момент на кухню вошел Адриан.

Она инстинктивно заблокировала экран.

— Ты что-то ищешь? — спросил он.

— Школьный сайт.

— И?

— Пытаюсь понять, кто там за что отвечает.

Адриан открыл холодильник, достал воду.

— И как, помогает?

— Пока не очень.

— Ты слишком быстро в это погружаешься.

Клара посмотрела на него.

— А если наоборот? Если я уже опоздала?

Он сделал глоток воды и поставил бутылку на стол.

— Ты слышишь себя?

— Да.

— Тогда услышь и меня. Нам не нужен конфликт с людьми, от которых зависит, как пройдет первый год Лео.

— Ты всерьез считаешь, что от этих женщин что-то зависит?

Адриан выдержал паузу.

— Я считаю, что в таких местах всегда есть неформальная система влияния. И разумнее сначала понять ее, а не раздражать.

Это было настолько близко к ее собственным ощущениям, что на секунду ей стало не по себе.

— Значит, ты тоже это видишь.

— Я это предполагаю. Но предполагать и драматизировать — разные вещи.

Он ушел, не дожидаясь ответа.

Вечером Клара поднялась в спальню раньше обычного. Ей хотелось тишины, но она принесла с собой телефон, а вместе с ним и фотографию, которую теперь невозможно было развидеть.

Вероник Арден.

Она снова открыла поиск, теперь уже точнее. Несколько ссылок вели на старые анонсы, пара — на архив местной газеты. Большинство материалов были закрыты, но один короткий текст сохранился в свободном доступе.

Сен-Бернар прощается с Вероник Арден, многолетним участником попечительского комитета. Семья просит уважать частную жизнь в этот трудный период.

Ни причины. Ни подробностей. Только дата — два года назад.

Прощается.

Клара перечитала слово несколько раз. Оно могло означать что угодно: отъезд, уход из комитета, смерть. Но если бы речь шла о простом переезде, зачем просить уважать частную жизнь? И почему тогда кто-то оставляет записку с просьбой делать вид, что этого имени не существует?

Она открыла еще одну ссылку — страницу местного форума родителей. Архив не загрузился полностью, но в обрывках тем мелькали знакомые слова: «комитет», «скандал», «слухи», «не подтверждено», «школа все скрывает». При попытке открыть обсуждение страница выдала ошибку.

Клара сидела на краю кровати, чувствуя, как постепенно выстраивается контур того, чего она еще не знает, но уже почти касается.

Внизу хлопнула дверца шкафа. Потом раздался голос Лео, потом ответ Адриана. Обычные домашние звуки. Они должны были успокаивать. Не успокаивали.

Телефон завибрировал в руке.

Сообщение от неизвестного номера.

Не ищите это в интернете. Там осталось только то, что им выгодно.

Клара замерла.

Пальцы похолодели. Она перечитала сообщение, потом быстро вышла в список контактов. Номер снова был незнакомым. Не Беатрис. Не Клэр. Или, по крайней мере, не под теми данными, которые были у нее.

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

Если хотите понять, что случилось с Вероник, спросите, почему в комнате для собраний больше нет зеркала.

Клара встала слишком резко.

Сердце ударило где-то в горле.

Она тут же набрала номер. Вызов даже не пошел — телефон был выключен или уже недоступен.

На пороге спальни появился Адриан.

— Что случилось?

— Ничего.

Он нахмурился.

— Клара.

— Просто уронила телефон.

Она ненавидела, как легко начала лгать.

— Ты сегодня странная, — сказал он.

— Я просто устала.

— Ты это уже говорила.

— Потому что это правда.

Он смотрел на нее еще секунду, затем подошел ближе.

— Послушай. Если тебе некомфортно, мы можем не идти в пятницу. Никто не умрет.

Слова прозвучали ровно, но именно последняя фраза заставила Клару поднять на него глаза.

— Ты уверен?

— Что?

— Что никто не умрет.

Он отступил на полшага.

— Это уже слишком.

— Возможно.

Он развернулся, явно решив, что разговор бесполезен, и вышел. Клара осталась одна.

Через час, когда Лео уже спал, а в доме наконец стало тихо, она спустилась вниз на кухню за водой. Свет над островом был выключен, горела только подсветка у плиты. Комната казалась чужой.

Она налила воду и вдруг вспомнила фразу из сообщения.

Почему в комнате для собраний больше нет зеркала.

Комната для собраний. Вероятно, малый салон. Или какое-то другое помещение в школе. Но почему зеркало? Что вообще могло произойти с зеркалом такого, чтобы это стало ключом?

Клара прислонилась к столешнице и почти сразу услышала тихий звук снаружи.

Сначала ей показалось, что это ветер.

Потом — что кто-то коснулся калитки.

Она замерла и прислушалась.

Снова. Металлический, короткий, слишком отчетливый для ветра.

Клара медленно подошла к окну и отодвинула край шторы.

У ворот стояла женщина.

Всего в нескольких метрах от дома, под светом фонаря. Темное пальто, непокрытая голова, руки вдоль тела. Лица было не разглядеть — только бледное пятно, обращенное прямо к окну.

Клара не шевелилась.

Женщина тоже.

Прошло, наверное, не больше пяти секунд, но Кларе показалось — минута.

Потом фигура резко отступила в сторону, вышла из света и исчезла.

Клара рванулась к входной двери прежде, чем успела подумать. Открыла, выбежала на крыльцо.

На улице было пусто.

Только движение ветвей, ровный свет фонаря, безупречно тихая улица Сен-Элен.

— Эй! — позвала она негромко, почти шепотом, словно боялась, что ее услышат не те.

Никто не ответил.

У калитки что-то белело на камне.

Клара подошла ближе и подняла маленький конверт без марки и без подписи.

Внутри оказался ключ.

Обычный металлический ключ с круглой бумажной биркой, на которой было написано от руки:

Старый зал. Пятница. 21:30. Приходите одна, если хотите узнать, кто такая Вероник.

Клара стояла у калитки, сжимая ключ в ладони, и впервые с момента переезда почувствовала не просто тревогу.

Выбор.

Глава 4

Утром Клара проснулась с ощущением, будто ночью не спала вовсе.

Ключ лежал в ящике туалетного столика, завернутый в бумажную салфетку, как что-то, к чему не хочется прикасаться лишний раз. Несколько раз за ночь она почти вставала, чтобы переложить его в другое место, потом думала, что это бессмысленно: сам факт его существования уже нельзя было отменить. Под утро ей приснился длинный школьный коридор без окон, в конце которого кто-то стоял спиной и ждал, пока она подойдет ближе. Она так и не увидела лица.

Адриан уже был на ногах. Из ванной доносился шум воды, потом звук электробритвы. В доме начиналось обычное утро — завтрак, сборы, разговоры вполголоса, поиск второй перчатки Лео, тосты, кофе, школьная сумка у двери. В этой бытовой последовательности была почти насмешливая устойчивость, как будто жизнь нарочно сохраняла нормальный вид именно тогда, когда под ее поверхностью что-то уже сдвинулось.

Клара спустилась на кухню. Лео сидел за столом и ковырял ложкой хлопья.

— Ты опять не выспалась, — заметил он.

— Спасибо за деликатность.

— Это не деликатность. Это видно.

Она налила себе кофе.

— А ты что, теперь специалист по лицам?

— Нет. Просто ты смотришь так, будто услышала что-то плохое и делаешь вид, что нет.

Клара на секунду замерла, потом заставила себя улыбнуться.

— Ты слишком наблюдательный.

— Поль говорит, это потому, что я редко говорю первым.

Адриан вошел на кухню, застегивая часы на запястье.

— Поль — это тот мальчик с насекомыми?

— Да, — сказал Лео.

— Уже звучит как крепкая дружба.

Лео пожал плечами, но было видно, что ему приятно. Клара поймала этот короткий момент и вдруг остро ощутила, насколько все вокруг теперь связано с этой школой: друзья, правила, будущее Лео, благотворительные вечера, женщины в малом салоне, имя Вероник, ключ в ящике.

— Ты сегодня заберешь его? — спросил Адриан, наливая себе воду.

— Да.

— Хорошо. И нам нужно решить про вечер.

Клара не ответила сразу.

— Про какой вечер? — спросил Лео.

— Взрослый школьный ужин, — сказал Адриан. — Тебе туда не надо.

— Поль говорил, там всегда скучно, но потом от этого зависят какие-то решения.

Клара и Адриан почти одновременно посмотрели на него.

— Какие еще решения? — спросила Клара.

— Не знаю. Его мама так сказала. Что это не про еду, а про то, кто с кем сидит.

Адриан усмехнулся.

— Ребенок уже все понял лучше нас.

Но Кларе не было смешно.

После того как Лео ушел в школу, а Адриан закрылся в кабинете, она поднялась в спальню, достала ключ и снова посмотрела на бирку.

Старый зал. Пятница. 21:30.

Сегодня была пятница.

Ей нужно было пройти через весь день, через чужие улыбки, через ужин фонда, через разговоры, в которых каждое слово могло означать больше, чем звучало, а потом — если решится — уйти одной туда, куда ее звали.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Беатрис.

Напоминаю о вечере. Черный или темно-синий — лучший выбор. Начало в 19:30. Не опаздывайте.

Клара уставилась на экран.

Не приглашение. Инструкция.

Почти сразу пришло второе сообщение.

И, пожалуйста, без лишних вопросов сегодня. Это совет.

Несколько секунд она не дышала.

Потом быстро набрала ответ:

Совет от кого?

Сообщение было доставлено, но ответа не пришло.

Клара опустила телефон.

Значит, Беатрис либо знала, что Клара уже начала спрашивать не о том, о чем надо, либо просто привыкла предупреждать заранее. Оба варианта были плохими.

Около полудня она поехала в центр — формально за платьем, на деле чтобы побыть несколько часов вне дома и подумать. Город был холодным, прозрачным, с белесым зимним солнцем в витринах. Люди спешили по своим делам, машины стояли в плотном ряду у тротуаров, у кафе курили двое студентов, и все это производило почти лечебное впечатление: здесь мир еще не был выстроен под одну фамилию, один комитет, одну систему взглядов.

Клара выбрала темно-синее платье почти не глядя. Простое, длинное, с закрытыми плечами. В примерочной она вдруг поймала себя на мысли, что одевается не для вечера, а для наблюдения: так, чтобы не выделяться, не дать лишнего повода, стать приемлемо нейтральной.

Возвращаясь к машине, она заметила на другой стороне улицы Клэр Обри.

Та стояла у аптечного окна и разговаривала с кем-то по телефону. Даже издали было видно, насколько она напряжена. Плечи подняты, свободная рука сжата, взгляд дергается, будто она проверяет, не наблюдают ли за ней. Клара уже шагнула вперед, собираясь окликнуть ее, когда Клэр резко повернула голову и увидела ее сама.

На лице Клэр мелькнуло что-то похожее на испуг.

Она быстро сказала что-то в телефон, отключилась и почти сразу пошла в другую сторону, не дожидаясь встречи.

— Клэр! — позвала Клара.

Та не обернулась.

Клара перешла дорогу, но к тому моменту Клэр уже села в серый автомобиль, припаркованный за углом, и уехала.

На месте, где она стояла, осталось лишь смятое бумажное аптечное уведомление, которое ветер тут же потащил по асфальту.

Когда Клара наклонилась поднять его, сзади раздался мужской голос:

— Не стоит за ней ходить.

Она резко обернулась.

Перед ней стоял мужчина лет сорока пяти, высокий, в темном пальто и шарфе. Лицо тонкое, утомленное, с той сухой аккуратностью, которая не делает человека привлекательным, но заставляет запоминать черты. Он смотрел на Клару спокойно, как будто подошел по делу, давно отложенному.

— Простите? — сказала она.

— Клэр, — уточнил он. — Если вам нужен совет, не стоит за ней ходить.

— А вы кто?

Мужчина помедлил.

— Меня зовут Лоран Арден.

Фамилия ударила быстрее, чем смысл успел оформиться.

Арден.

Вероник Арден.

Клара почувствовала, как тело само собирается в напряжение.

— Вы...

— Да, — сказал он, будто понял вопрос раньше, чем она задала его. — Муж Вероник.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга среди людной улицы, на которой никто, кроме них, не знал цены этой фамилии.

— Почему вы заговорили со мной? — спросила Клара.

— Потому что вы уже внутри, хотя, возможно, еще не поняли насколько.

— Это очень туманно.

— И это еще одна причина, почему с Клэр лучше не разговаривать. Она напугана. Напуганный человек опасен не потому, что хочет зла, а потому, что не выдерживает давления.

— А вы выдерживаете?

На лице Лорана мелькнула усталая тень улыбки.

— Уже нет. Поэтому и подошел.

Клара огляделась. Улица была самой обычной. Кто-то смеялся у кофейни, сигнализировал автобус, мимо прошла женщина с коляской. И все же ей казалось, что пространство вокруг как-то сужается.

— Что случилось с Вероник? — спросила она.

Лоран перевел взгляд ей за плечо, как будто проверяя что-то.

— Не здесь.

— Тогда где?

— Нигде, где вас увидят со мной до вечера.

Это прозвучало так спокойно, что стало еще тревожнее.

— До вечера?

— Вы ведь пойдете, — сказал он. — Конечно, пойдете. Иначе вам бы не оставили ключ.

У Клары внутри будто что-то оборвалось.

— Это вы?

— Не все сразу.

— Вы следите за мной?

— Если бы я следил за вами, мы бы не стояли посреди улицы.

Он достал из кармана карточку и протянул ей. На ней было только имя и номер.

ЛОРАН АРДЕН

Без должности. Без адреса. Без пояснений.

— Если после вечера вы все еще захотите знать правду, позвоните, — сказал он. — Но только если будете готовы услышать не то, что ожидаете.

— Почему просто не сказать сейчас?

— Потому что вы еще связаны с ними слишком многим.

— С кем именно?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— С Беатрис, школой, собственным мужем. Вы пока не знаете, где заканчивается одно и начинается другое.

Клара ощутила вспышку злости.

— Не смейте впутывать сюда Адриана.

— Я никого не впутываю. Я советую вам смотреть шире.

Он отступил на шаг.

— И еще одно: если сегодня кто-то спросит, знали ли вы имя Вероник до переезда, отвечайте «нет». Даже если вопрос покажется абсурдным.

— Почему?

— Потому что тогда они поймут, откуда именно к вам пришла информация.

— Кто «они»?

Но Лоран уже повернулся и пошел прочь.

— Подождите! — сказала Клара.

Он не остановился.

Домой она вернулась позже, чем собиралась. Карточка Лорана лежала в кармане рядом с ключом, и оба предмета казались инородными, как улика и предупреждение, выданные в одном комплекте.

Адриан встретил ее в гостиной.

— Ты пропала.

— Была в городе.

— Это я понял. Почему не брала трубку?

Клара достала телефон. Два пропущенных вызова.

— Не слышала.

Он смотрел на нее слишком внимательно.

— Все в порядке?

Нет, подумала она. Но именно это слово сегодня повторялось слишком часто.

— Да.

— Ты купила платье?

— Да.

— Хорошо.

Он кивнул, но не ушел.

— Что?

— Ничего. Просто ты ведешь себя так, будто от этого вечера зависит нечто большее, чем школьная благотворительность.

Клара сняла пальто и положила сумку на кресло.

— А тебе не кажется, что зависит?

— Мне кажется, что ты позволила чужой манере общения слишком сильно на себя повлиять.

— А мне кажется, что ты слишком спокойно принимаешь то, чего не понимаешь до конца.

— Я хотя бы признаю, что не понимаю.

Она резко подняла на него глаза.

— Это упрек?

— Это констатация.

Повисла короткая тишина.

— Ты говорил с кем-то о нас? — спросила Клара.

— В каком смысле?

— С кем-то из школы. Из района. С Беатрис, например.

— Нет.

Он ответил слишком быстро или ей только показалось.

— Совсем?

— Клара, что происходит?

Она смотрела на него и понимала, что не знает, верит ли ему сейчас полностью. И от этого стало физически плохо.

— Ничего, — сказала она. — Забудь.

— Нет, не забуду. Ты ходишь, будто ждешь удара. Если есть проблема, скажи прямо.

Почти скажи ему про ключ, подумала она. Про Лорана. Про записки. Про Вероник. Скажи сейчас и посмотри, что изменится.

Но если Лоран прав? Если она действительно еще не знает, где заканчивается одно и начинается другое?

— После вечера, — сказала Клара. — Поговорим после вечера.

Адриан сжал губы, явно недовольный, но спорить не стал.

К семи часам дом снова наполнился привычной суетой сборов. Лео остался с няней, которую порекомендовало агентство. Клара заметила, что женщина, представившись, слишком быстро назвала фамилии нескольких соседей, словно заранее подтверждала свою встроенность в этот мир. Даже это теперь вызывало подозрение.

Перед выходом Клара на секунду осталась одна в спальне. Она открыла ящик, достала ключ и сунула в крошечный внутренний карман сумки. Потом, поколебавшись, добавила туда и карточку Лорана.

Ужин фонда проходил в старом павильоне при школе, который изнутри был освещен так мягко и искусно, что каменные стены казались теплее, чем были на самом деле. Во дворе горели газовые фонари, у входа стояли высокие композиции из белых цветов и темной зелени, а изнутри доносились музыка и смех — точно выверенная громкость благополучия.

Адриан выглядел здесь почти естественно. Его спокойствие, хорошая осанка, точность улыбки, умение слушать и говорить ровно столько, сколько нужно, — все это делало его человеком, который легко вписывается в пространства с неписаными правилами. Клара шла рядом и чувствовала себя не частью пары, а наблюдателем, которому временно разрешили присутствовать.

Беатрис встретила их у входа.

— Вы пришли, — сказала она, и Клара не поняла, было ли это удовлетворением или проверкой.

— Как видите, — ответил Адриан раньше жены.

— Адриан, как приятно наконец познакомиться как следует. Клара уже успела произвести впечатление.

— Надеюсь, не разрушительное, — сказал он.

Беатрис рассмеялась мягко и коротко.

— Это зависит от того, кто смотрит.

Она перевела взгляд на Клару и задержала его на долю секунды дольше необходимого.

— Чудесный выбор платья.

— Спасибо.

— Темно-синий вам идет.

Конечно, подумала Клара. Потому что вы сами велели.

Внутри павильон был устроен так, словно весь вечер должен был подтверждать идею избранности. Круглые столы, карточки с именами, свечи в матовом стекле, официанты в черном, негромкая живая музыка у дальней стены. На сцене — эмблема фонда Сен-Бернар. Женщины были одеты с той дорогой сдержанностью, которая требует куда больших затрат, чем откровенная роскошь. Мужчины — в черных костюмах, с одинаково расслабленным видом людей, привыкших к подобным вечерам.

Кларе понадобилось меньше минуты, чтобы понять: рассадка здесь — не вопрос удобства.

Их стол находился в центре зала. Рядом с ними сидели Шарлотта Бове с мужем, незнакомая пожилая пара, чьи имена Клара тут же забыла, и директор школы месье Делакур — сухой седовласый мужчина с внимательными глазами и такой вежливостью, за которой чувствовалась школа старого контроля.

— Мадам Моро, — сказал он, — рад наконец познакомиться лично. Надеюсь, Лео хорошо провел первый день.

— Кажется, да.

— Прекрасно. Мы стараемся, чтобы новые дети как можно быстрее чувствовали себя частью сообщества.

Слово «сообщество» прозвучало у него почти как «структура».

— Это заметно, — сказала Клара.

Директор улыбнулся.

— Надеюсь, в хорошем смысле.

Шарлотта, сидевшая справа, слегка повернула голову.

— Здесь многое зависит от того, что считать хорошим.

Муж Шарлотты, крупный светловолосый человек с усталым добродушным лицом, тихо вздохнул, как человек, давно привыкший к ее репликам.

— Моя жена любит поднимать тонкие темы до первого бокала, — сказал он.

— А после первого уже поздно, — ответила Шарлотта.

Вечер разворачивался плавно, почти безупречно. Тосты, короткие речи, подача блюд, негромкие разговоры, имена, должности, фамилии, намеки на совместные проекты, пожертвования, связи, летние дома, университеты детей. Клара все больше убеждалась, что школа — лишь фасад. Настоящая функция этого места заключалась не в обучении, а в закреплении круга, в котором статус наследуется вместе с уверенностью.

Несколько раз она ловила на себе взгляд Беатрис. Та сидела за дальним столом, но, казалось, видела весь зал целиком.

В середине ужина директор поднялся для официальной речи. Он говорил о ценностях, традициях, ответственности, о поддержке талантливых детей, о преемственности, о будущем. Зал слушал с одобрительным вниманием. Потом он отдельно поблагодарил комитет матерей и назвал имя Беатрис первым.

Аплодисменты были долгими.

— А Вероник? — тихо спросила Клара прежде, чем успела подумать.

Это было почти шепотом, скорее для себя, чем для других.

Но Шарлотта услышала.

Клара поняла это сразу по тому, как изменилось ее лицо.

Не резко. Не заметно для окружающих. Просто взгляд стал полностью неподвижным.

— Что вы сказали? — спросила она так же тихо.

Клара почувствовала, как внутри все похолодело.

— Ничего.

Шарлотта еще секунду смотрела на нее, потом перевела взгляд на сцену.

— Осторожнее, — сказала она.

— С чем?

— С тем, что произносите вслух.

Слева от Клары Адриан продолжал слушать директора и, кажется, ничего не заметил.

После десерта гости начали подниматься, перемещаться между столами, собираться у бара и в боковых залах. Именно в этой второй, неофициальной части вечера, как и предсказывал Поль, и решалось главное.

— Мне нужно в дамскую комнату, — сказала Клара Адриану.

— Хорошо. Я буду здесь.

Она встала, стараясь не спешить. Сердце билось уже слишком быстро.
Часы на телефоне показывали 21:18.

Она прошла через главный зал, потом через коридор с арочными окнами и свернула туда, где раньше заметила служебную лестницу. Музыка сразу стала тише. Голоса остались за стеной. Здесь воздух был прохладнее, пах камнем и воском.

На развилке коридоров не было указателя «старый зал».

Клара остановилась, прислушалась.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь.

Она пошла на звук.

Еще один поворот, узкий проход, лестница вниз на несколько ступеней, тусклая лампа под потолком. Здесь павильон уже не был нарядным. Голый камень, старая плитка, следы времени, которые не отреставрировали, а просто оставили вне поля зрения гостей.

В конце коридора была дверь с потемневшей медной ручкой.

Ключ в сумке вдруг стал тяжелым, как если бы весил больше металла.

Клара достала его. Бирка дрогнула между пальцами.

Замок поддался почти сразу.

Она открыла дверь.

Помещение внутри было большим и пустым. Когда-то, вероятно, это и был зал для собраний: высокий потолок, потемневшие панели, длинные окна, сейчас занавешенные тяжелой тканью. Вдоль одной стены стояли сложенные стулья, в углу — накрытая чехлом мебель. Пахло пылью, деревом и чем-то сырым.

И сразу бросалось в глаза то, о чем писал неизвестный.

На дальней стене, между двумя бра, отчетливо выделялся светлый прямоугольник.

Там когда-то висело большое зеркало.

Клара сделала шаг вперед.

Половицы тихо скрипнули.

— Вы пришли.

Голос раздался из темноты у окна.

Клара резко обернулась.

Из тени вышла Клэр Обри.

— Это вы? — спросила Клара. — Вы оставляли сообщения?

Клэр покачала головой.

— Не все.

Она выглядела хуже, чем днем. Лицо осунулось, глаза блестели лихорадочно, словно за последние часы она несколько раз передумала приходить и все же пришла.

— Тогда кто?

— У нас мало времени.

Клэр подошла ближе и нервно оглянулась на дверь.

— Если вас здесь увидят, скажите, что заблудились.

— Клэр, что происходит? Кто такая Вероник?

На имени Клэр вздрогнула.

— Тише.

— Нет. Хватит. Мне уже оставляют ключи, записки, советы не произносить имена. Если вы хотите, чтобы я вас слушала, говорите ясно.

Клэр закрыла глаза на секунду, будто собираясь с силами.

— Вероник Арден была после Беатрис самым влиятельным человеком в комитете матерей. Может, даже первым, если честно. Она умела нравиться, умела убеждать, умела видеть слабые места людей. Но главное — она начала задавать вопросы.

— О чем?

— О деньгах. О списках стипендий. О том, как в школу попадают некоторые дети и почему другие внезапно перестают подходить. О семьях, которым помогают не ради благотворительности, а ради обязательств.

Клара почувствовала, как холодеют руки.

— Это незаконно?

— Не всегда. Иногда хуже.

— Что значит «хуже»?

Клэр открыла рот, но не успела ответить.

Снаружи послышались шаги.

Обе замерли.

Шаги остановились за дверью.

Клэр побледнела так резко, что Клара испугалась, что та сейчас потеряет сознание.

Ручка дернулась вниз.

Дверь начала открываться.

Глава 5

Дверь открылась не полностью — сначала на ширину ладони, потом шире, с медленным, почти ленивым скрипом.

На пороге стояла Беатрис Делорм.

Несколько секунд никто не произнес ни слова.

Клара почувствовала, как все внутри резко, почти болезненно собралось в одну точку. Клэр рядом с ней перестала дышать так заметно, что это само по себе казалось шумом.

Беатрис окинула взглядом комнату, затем — их обеих. Ни удивления, ни раздражения, ни даже очевидного торжества на ее лице не было. Только то безупречное спокойствие, которое пугало Клару с первого дня сильнее любой открытой угрозы.

— Вот вы где, — сказала Беатрис. — А мы уже начали думать, что вы потерялись.

Она обращалась к Кларе, но последняя часть фразы явно предназначалась не только ей. Клэр первой опустила глаза.

— Я просто показывала мадам Моро дорогу, — сказала она слишком быстро.

Беатрис чуть повернула голову.

— В старый зал?

— Она свернула не туда.

— Понимаю.

Беатрис вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Не резко. Почти мягко. Но от этого движение показалось окончательным.

— Это помещение давно не используется, — сказала она. — Здесь сыро и неудобно. Жаль, что вас сюда занесло.

Клара заставила себя выдержать ее взгляд.

— Я действительно заблудилась.

— Конечно.

Это прозвучало вежливо. И абсолютно недоверчиво.

Беатрис сделала еще несколько шагов. Ее каблуки почти не стучали по полу — как будто даже звук подчинялся ей.

— Клэр, дорогая, нас ждут наверху. Шарлотта уже спрашивала о вас.

Клэр не двигалась.

— Я сейчас приду.

— Нет, — мягко сказала Беатрис. — Лучше сейчас.

Тон был все так же ласковым, но в комнате словно стало холоднее.

Клара перевела взгляд на Клэр. Та стояла с лицом человека, который понимает, что выбора почти нет, и все же медлит на краю.

— Клэр, — повторила Беатрис, — не заставляйте меня просить дважды.

После этих слов Клэр наконец пошла к двери. Проходя мимо Клары, она не подняла глаз, но едва заметно коснулась ее руки пальцами. Не жест поддержки. Не предупреждение даже. Скорее — отчаянная попытка сказать хоть что-то без слов.

Когда Клэр вышла, Беатрис закрыла дверь снова.

Теперь они остались вдвоем.

Клара чувствовала, как у нее гудит кровь в висках.

— Вы хорошо ориентируетесь в здании, — сказала она.

Беатрис улыбнулась.

— Я много лет связана со школой. Это нормально.

— Как и знать, где искать людей?

— Когда люди исчезают с собственного вечера, это бросается в глаза.

Клара молчала.

Беатрис остановилась у светлого прямоугольника на стене — там, где раньше висело зеркало. Провела кончиками пальцев по краю панели, словно невзначай.

— Любопытное место, правда? — спросила она. — В старых зданиях всегда остается что-то от прежних сцен. Даже если убрать мебель.

— И зеркала.

Беатрис повернулась к ней.

— Простите?

— Мне сказали, что здесь раньше было зеркало.

На этот раз пауза была чуть длиннее.

— Было, — сказала Беатрис. — Очень давно.

— Почему его сняли?

— Оно треснуло.

— Само?

Беатрис улыбнулась чуть шире.

— У вас необычная манера задавать вопросы, Клара.

— А у вас — необычная манера не отвечать.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Клара понимала, что зашла слишком далеко, но отступить уже не могла.

— Вы знаете имя Вероник, — сказала она.

Не вопрос. Утверждение.

Взгляд Беатрис остался спокойным, но что-то в нем все-таки изменилось — не эмоция, а точность фокусировки, как если бы она наконец перестала делать вид, будто разговор можно удержать в светской рамке.

— Разумеется, знаю, — ответила она. — Почему вы спрашиваете?

— Потому что все вокруг ведут себя так, словно это имя нельзя произносить.

— Никто не запрещал вам ничего произносить.

— И все же.

Беатрис медленно сцепила руки перед собой.

— Вероник Арден была частью этой школы. Потом перестала ею быть. Случаются неприятные истории. Особенно когда люди не умеют вовремя остановиться.

Клара почувствовала, как по спине проходит холод.

— В чем остановиться?

— В самообмане.

Этого ответа было недостаточно, но именно в его недостаточности и скрывалось главное.

— Что с ней произошло?

— Клара, — сказала Беатрис почти ласково, — иногда человеку кажется, что он ищет правду, хотя на самом деле он ищет драму, которая придаст смысл его тревоге. Это опасная путаница.

— А если я ищу не драму?

— Тогда вы еще более неосторожны, чем я думала.

Клара шагнула ближе.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, — спокойно сказала Беатрис. — Я вас предупреждаю.

Из большого зала наверху долетел приглушенный всплеск аплодисментов. Звук был далеким, почти нереальным. Здесь, в полутемном старом помещении, он звучал как напоминание о двух мирах, существующих одновременно и не признающих друг друга.

— Почему мне оставляют записки? — спросила Клара. — Почему зовут сюда? Почему все делают вид, что ничего не происходит?

— Потому что люди слабы, — ответила Беатрис. — А когда они напуганы, им хочется разделить свой страх с кем-нибудь новым. Особенно с тем, кто еще не понимает последствий.

— Вы о Клэр?

— Я ни о ком конкретно.

— Лжете.

Беатрис не обиделась. Кажется, слово вообще не произвело на нее впечатления.

— Ваша проблема, Клара, в том, что вы слишком быстро начали доверять трещинам.

— А ваша?

— Я слишком давно умею их замечать.

Это было первое по-настоящему честное предложение, которое Клара от нее услышала. И именно поэтому оно оказалось самым тревожным.

— Что здесь случилось два года назад? — спросила Клара.

Беатрис опустила взгляд на пол, будто разглядывала старые доски.

— Женщина решила, что может разрушить систему, не понимая, сколько людей она держит на поверхности. Когда такие люди падают, они пытаются утащить остальных за собой. Иногда им почти удается.

— Вы говорите о Вероник?

— Я говорю о последствиях.

— Она умерла?

На этот раз Беатрис ответила не сразу.

— Это зависит от того, что именно вы хотите услышать.

Клара застыла.

— Что это значит?

Беатрис подняла глаза.

— Это значит, что не всякая потеря оформляется одинаково. И не всякая история принадлежит тем, кто ее пережил.

Снаружи снова раздались шаги в коридоре, но теперь они прошли мимо.

Клара вдруг поняла, что держит сумку слишком крепко. Внутри, в маленьком кармане, лежал ключ. Беспольный теперь, как использованный пропуск в зону, где ей уже дали понять: вход не равен праву спрашивать.

— Зачем вы на самом деле позвали меня на этот вечер? — спросила она.

Беатрис слегка наклонила голову.

— Я вас не звала. Я вас включала.

— Во что?

— В реальность вашего нового положения.

Слова были сказаны почти мягко, но от них захотелось отступить.

— И каково мое новое положение?

— Вы мать ребенка, который учится в Сен-Бернар. Жена мужчины, у которого есть перспективы в этом городе. Женщина, которой предстоит решить, хочет ли она принадлежать кругу, способному многое дать, или предпочтет довериться тем, кто умеет только разрушать.

— То есть выбор у меня все-таки есть?

— До определенного момента — да.

Клара почувствовала, как внутри поднимается злость, чистая и ясная.

— А если я не люблю, когда меня сортируют по чужим кругам?

Беатрис посмотрела на нее почти с сожалением.

— Тогда вам будет очень тяжело жить среди людей, которые давно научились делать это лучше вас.

Тишина между ними стала густой.

Потом Беатрис отошла от стены.

— Возвращайтесь в зал, Клара. Ваше отсутствие уже заметно. И пожалуйста, не ищите в этой истории героической роли. Обычно она заканчивается хуже всего.

Она подошла к двери, открыла ее, но перед тем как выйти, обернулась:

— И еще одно. Не обсуждайте Вероник с Лораном Арденом. Он давно перестал различать память и месть.

У Клары перехватило дыхание.

— Вы знаете, что я видела его.

— Я знаю многое, — сказала Беатрис. — Гораздо больше, чем вам сейчас кажется.

И вышла.

Клара осталась одна в старом зале.

Несколько секунд она не двигалась. Потом медленно подошла к стене, где раньше висело зеркало. Светлый прямоугольник был выше ее роста, по краям сохранились темные следы старых креплений. На деревянной панели у самого пола она заметила тонкую царапину — слишком длинную, чтобы быть случайной, и слишком низкую, чтобы оставить ее взрослый человек рукой.

Она присела.

У самого плинтуса что-то было вырезано. Едва заметно, почти стершись со временем.

Две буквы.

V.A.

Клара провела по ним пальцем.

Вероник Арден.

Значит, это место действительно было связано с ней. Не в отвлеченном, неофициальном смысле, а буквально.

Из коридора донеслись голоса. Клара быстро выпрямилась и вышла из зала, заперев дверь за собой.

Когда она вернулась в основное пространство вечера, музыка уже сменилась, гости стояли у столов с бокалами, кто-то смеялся слишком громко, официанты убирали десертные тарелки. Все выглядело как прежде. Настолько, что на секунду ей показалось: старого зала не существует, и весь только что состоявшийся разговор был побочным кошмаром внутри идеально организованной ночи.

Адриан заметил ее сразу.

— Где ты была?

— Искала туалет и заблудилась.

— На двадцать минут?

— Здесь не очень очевидные коридоры.

Он смотрел на нее так, словно понимал, что это неправда, но не хотел устраивать сцену на людях.

— Беатрис тоже тебя искала, — сказал он.

— Уже нашла.

— И?

— И ничего.

Шарлотта, стоявшая рядом с мужем, бросила на Клару быстрый взгляд.

— Тогда вам повезло, — сказала она.

Адриан перевел взгляд с одной женщины на другую.

— Я что-то пропустил?

— Почти ничего, — ответила Шарлотта.

Больше она не добавила ни слова.

Оставшаяся часть вечера прошла для Клары как сквозь стекло. Она слышала голоса, отвечала, кивала, даже один раз улыбнулась в нужный момент, но внутри все время перекатывались одни и те же фразы.

Женщина решила, что может разрушить систему.

Не обсуждайте Вероник с Лораном Арденом.

До определенного момента — да.

По дороге домой Адриан молчал почти всю первую половину пути. Улицы были пусты, фары выхватывали из темноты мокрый асфальт и ровные фасады. Когда они свернули на Сен-Элен, он наконец заговорил:

— Что происходит?

Клара смотрела вперед.

— Я устала.

— Не надо.

Она повернулась к нему.

— Что именно «не надо»?

— Вот это. Когда ты отвечаешь так, будто разговор о погоде, хотя у тебя лицо человека, который час назад увидел что-то не то.

Клара опустила взгляд на собственные руки.

— А если увидела?

— Тогда скажи.

Тишина.

— Клара.

— Я была в старом зале, — сказала она.

Машина слегка качнулась на повороте, но Адриан быстро выровнял руль.

— В каком еще старом зале?

— Внизу павильона. Меня туда привели. Или заманили. Не знаю, как точнее.

Теперь он посмотрел на нее уже без раздражения. Только внимательно.

— Кто?

— Сначала Клэр. Потом пришла Беатрис.

— Что?

— Именно.

Адриан сбросил скорость.

— Подожди. Зачем ты вообще туда пошла?

Она почти ответила правду. Почти.

— Потому что пытаюсь понять, во что мы попали.

— Мы попали в школу для нашего сына, а не в подпольное общество.

— Ты сам в это веришь?

Он ударил ладонью по рулю — не сильно, но резко.

— Я верю в то, что ты уже второй день скрываешь что-то важное и при этом требуешь от меня полной ясности!

Гнев в его голосе был редким и от этого особенно ощутимым.

Клара молчала.

Через секунду он уже сожалел о резкости, это было видно.

— Прости, — сказал Адриан тише. — Но я действительно не понимаю, почему ты не говоришь все.

Потому что боюсь, подумала она. Не тебя. Того, что услышу в ответ. И того, чего не услышу тоже.

— Там говорили о женщине по имени Вероник, — сказала Клара.

Адриан нахмурился.

— Кто это?

Она повернулась к нему слишком быстро. На лице его не было узнавания. Если он и лгал, то безупречно. Но инстинкт впервые за вечер подсказал ей, что сейчас он, возможно, действительно не понимает.

— Ты не знаешь это имя?

— Нет.

— Совсем?

— Нет, Клара.

Она отвернулась к окну.

Дома они вошли тихо, чтобы не разбудить Лео. Няня уже ушла. На кухне остался стакан с недопитой водой и записка с коротким сообщением, что все прошло спокойно и ребенок уснул в десять.

Адриан снял пальто.

— И что дальше? — спросил он.

— Не знаю.

— Это не ответ.

— А у меня пока нет другого.

Он стоял у острова, усталый, напряженный, все еще старающийся держать разговор в пределах нормального. Клара вдруг почувствовала, насколько и он, и она устали от того, что нормальные границы здесь не работают.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все с самого начала, — сказал Адриан. — Без пропусков.

Она открыла сумку. Достала ключ и положила на стол между ними.

Адриан уставился на него.

— Что это?

— Вот с этого, наверное, и начнется.

Его лицо изменилось.

Впервые с переезда Клара увидела на нем не скепсис, не усталое несогласие, а настоящее беспокойство.

— Откуда у тебя ключ?

— Его оставили у наших ворот.

— Кто?

— Не знаю.

Она достала карточку Лорана и положила рядом.

— И сегодня со мной говорил муж Вероник Арден.

Адриан медленно поднял глаза.

— Муж кто?

Клара посмотрела на него в упор.

— Вот именно это я и собираюсь выяснить.

Телефон завибрировал на столе.

Они оба вздрогнули.

Сообщение пришло с неизвестного номера.

Вы зря рассказали мужу. Теперь времени меньше.

Клара почувствовала, как рядом с ней напрягся Адриан.

Он медленно взял телефон, прочитал сообщение и впервые за все это время не попытался ничего объяснить.

Глава 6

Адриан перечитал сообщение еще раз, потом положил телефон на стол так осторожно, словно тот мог взорваться от резкого движения.

— Это уже не похоже на твою «интуицию», — сказал он.

В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения. Только жесткая собранность человека, которому внезапно пришлось признать новую реальность.

Клара ничего не ответила.

На кухне было слишком тихо. Холодный свет над островом делал ключ и карточку Лорана почти вещественными доказательствами, и от этого весь разговор наконец перестал быть спором о впечатлениях.

— Покажи все, — сказал Адриан.

Она молча разблокировала телефон, открыла сообщения, потом достала из сумки смятую записку про Вероник. Затем — фото с сайта школы, архивную заметку, все, что успела сохранить. Адриан смотрел внимательно, без реплик, лишь иногда переводя взгляд на Клару, как будто сверяя факты с тем, как давно она носила это одна.

Когда он дочитал, то медленно выдохнул.

— Почему ты сразу не сказала?

— Потому что знала, что ты решишь, будто это слухи, совпадения и мой стресс.

Он не стал спорить.

— Возможно, сначала именно так и решил бы.

— Вот именно.

Он провел ладонью по лицу.

— Хорошо. Теперь уже не решу.

Это прозвучало почти как извинение.

Клара села на стул.

— Что будем делать?

— Для начала — ничего импульсивного, — ответил он сразу. — Не писать никому. Не отвечать на неизвестные номера. Не ходить одной, если не нужно.

— Уже поздно для половины списка.

— Тогда хотя бы для оставшейся половины.

Он взял карточку Лорана.

— Ты ему доверяешь?

— Нет.

— Но собираешься звонить?

Клара помедлила.

— Да.

— При мне.

— Думаешь, это хорошая идея?

— Нет. Думаю, это безопаснее.

Он взял свой телефон, включил запись разговора и положил рядом.

— Звони.

Клара набрала номер с карточки. Несколько гудков. Она уже решила, что никто не ответит, когда в трубке раздался мужской голос:

— Да.

— Это Клара Моро.

Короткая пауза.

— Вы быстро решились.

— Мне пишут анонимные сообщения. Меня зовут в закрытые помещения на школьных вечерах. Думаю, «быстро» — не совсем точное слово.

— Вы одна?

Клара посмотрела на Адриана.

— Нет.

Молчание на линии стало плотнее.

— Тогда разговор короткий, — сказал Лоран. — Завтра, в одиннадцать. Кафе «Марсо», задний зал.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас вы уже под наблюдением.

— Чьим?

— Если бы я знал точно, мне было бы легче жить последние два года.

— Вы сказали, что мой муж может быть связан с этим.

Адриан резко поднял глаза, но Клара уже произнесла это.

— Я сказал, что вы не понимаете, где заканчивается школа и начинается остальное, — ответил Лоран. — Это не одно и то же.

— Что случилось с вашей женой?

На этот раз Лоран замолчал дольше.

— Приходите завтра, если готовы услышать первую правду, а не удобную версию. И еще, Клара: если Беатрис заговорит с вами первой, не спорьте. Просто слушайте.

— Почему?

— Потому что люди вроде нее начинают ошибаться, когда им кажется, что они полностью контролируют разговор.

Связь оборвалась.

Клара медленно опустила телефон.

— «Первая правда», — повторил Адриан. — Очень успокаивающе.

— Ты слышал.

— Слышал.

Он выключил запись и переслал файл себе.

— На всякий случай.

Клара посмотрела на него.

— Ты мне веришь?

Адриан ответил не сразу.

— Я верю, что кто-то намеренно втягивает тебя в историю вокруг этой Вероник. И что это уже затрагивает нас обоих. Пока мне достаточно этого.

Это было не полное доверие, но уже союз.

— А если не только нас? — тихо спросила Клара. — Если Лео тоже внутри этого, сам того не понимая?

Адриан резко поднял на нее взгляд.

— Нет.

Слишком быстро. Слишком категорично.

— Ты не можешь этого знать.

— И ты тоже.

Но теперь в его голосе впервые звучал страх.

Они почти не спали. Несколько раз Клара просыпалась от малейшего шума — скрипа трубы, проехавшей машины, ветки по стеклу. Около четырех утра Адриан встал, проверил сигнализацию, входную дверь, окна на первом этаже. Ничего не сказал, вернулся в спальню и лег, не притворяясь, что все нормально.

Утром город выглядел бледным и умытым после ночного дождя. Лео за завтраком рассказывал про контрольную по истории и спор Поля с учителем биологии о том, могут ли насекомые чувствовать привязанность. Клара слушала с усилием, пытаясь удержать лицо спокойным.

— Вы оба странные, — заметил Лео, переводя взгляд с матери на отца.

— Спасибо, — сказал Адриан.

— Нет, правда. Как будто поссорились, но не до конца.

Клара и Адриан одновременно ответили:

— Не поссорились.

Лео скривился.

— Это еще хуже.

После того как он ушел, Адриан взял ключи от машины.

— Я поеду с тобой.

— На встречу с Лораном?

— Да.

— Он просил...

— Мне все равно, что он просил.

Она хотела возразить, но не стала. На деле ей было спокойнее от того, что он рядом.

Кафе «Марсо» находилось в старой части города, на тихой улице, где по субботам пахло свежим хлебом и кофейной гущей. Снаружи оно выглядело обычным — темно-зеленая вывеска, узкие окна, несколько круглых столиков на тротуаре. Но задний зал оказался почти пустым, отгороженным аркой и тяжелой шторой.

Лоран уже ждал их.

Он сидел за столом в углу, перед ним стояла нетронутая чашка эспрессо. При виде Адриана его лицо не изменилось, но взгляд стал осторожнее.

— Я предупреждал, — сказал он Кларе.

— Я тоже, — отозвался Адриан и сел напротив.

Лоран слегка склонил голову.

— Значит, теперь мы не делаем вид, что это не касается вас.

— Очевидно.

Клара села между ними по диагонали, словно заранее понимая, что ей придется удерживать разговор от срыва.

— Расскажите про Вероник, — сказала она.

Лоран посмотрел на нее, а не на Адриана.

— Хорошо. Но сначала — коротко. Если после этого вы решите, что вам лучше выйти из истории, выходите сразу. Дальше будет труднее.

— С чего начать? — спросил Адриан.

— С того, что Сен-Бернар — не просто школа, — ответил Лоран. — Это узел. Через него проходят знакомства, рекомендации, сделки, доступ, репутация. Неофициально, конечно. На бумаге — благотворительность, традиции и академические стандарты. На деле — система взаимных обязательств.

— Это звучит как любое элитное сообщество, — сказал Адриан.

— Да. Пока вы не понимаете масштаба.

Лоран сделал глоток кофе, словно отсчитывая ритм.

— Вероник вошла в комитет матерей восемь лет назад. Очень быстро поднялась. Беатрис уже тогда была заметной фигурой, но именно Вероник умела добывать людей, деньги и лояльность. Они были союзницами.

— А потом? — спросила Клара.

— Потом Вероник начала замечать, что благотворительный фонд работает странно. Несколько стипендий ежегодно уходили детям, чьи семьи не соответствовали критериям. Формально — исключительные обстоятельства. Неформально — это были дети людей, которых хотели привязать к кругу. Один хирург, один прокурор, один журналист, семья чиновника из мэрии. Иногда — наоборот: детей убрали из списков, если их родители становились неудобны.

— Это шантаж? — спросил Адриан.

— Не всегда прямой. Иногда достаточно благодарности. Иногда — страха потерять то, что дали. Это тоньше и эффективнее.

Клара вспомнила слова Клэр: не ради благотворительности, а ради обязательств.

— Вероник решила это вскрыть? — спросила она.

— Сначала — понять. Она копировала документы, сверяла фамилии, пыталась говорить с людьми, которых считала порядочными. Ошибка была в последнем.

— Кто ее выдал? — спросил Адриан.

Лоран посмотрел на него долго, как будто оценивая, стоит ли продолжать.

— Скорее всего, не один человек. Но один из первых сигналов ушел через комитет. После этого на нее начали давить.

— Как? — спросила Клара.

— Мягко. Сначала намекали, что у нее нервное истощение. Потом, что она слишком эмоциональна и принимает внутренние процессы за заговор. Потом появились разговоры о ее нестабильности. Очень аккуратно. Так, чтобы к моменту, когда она попытается сказать что-то вслух, у окружающих уже была готовая рамка: бедная Вероник, ей тяжело, она преувеличивает.

Клара медленно выпрямилась.

— Это уже было подготовлено заранее.

— Конечно. Такие вещи всегда готовят заранее.

— А вы? — спросил Адриан. — Что делали вы?

Лоран принял вопрос без защиты.

— Слишком долго считал, что она заходит слишком далеко. Что ее используют собственные подозрения. Что если мы переждем, все уляжется.

В его голосе впервые проступило что-то личное, не отточенное.

— И когда понял, что не уляжется?

— Когда она показала мне список.

— Какой список? — спросила Клара.

Лоран посмотрел ей прямо в глаза.

— Детей.

У Клары что-то сжалось внутри.

— Каких детей?

— Тех, через чьи семьи выстраивали зависимости. Не только стипендиаты. Еще несколько «особых» случаев — переводы, дисциплинарные исключения, закрытые рекомендации, медицинские справки, которых не должно было быть в школьных архивах. Вероник считала, что кто-то в администрации и в комитете совместно ведет неформальное досье на семьи.

Адриан резко подался вперед.

— Это уже уголовная история.

— Возможно, — сказал Лоран. — Если бы кто-то дал ей дойти до конца.

— Что случилось в старом зале? — спросила Клара.

Впервые за весь разговор Лоран отвел взгляд.

— Официально ничего.

— Неофициально?

Он долго молчал.

— Два года назад после одного из закрытых вечеров Вероник исчезла примерно на сорок минут. Когда ее нашли, она была в том самом зале. Одна. На полу. Зеркало разбито.

— Она была жива? — быстро спросила Клара.

— Да.

— И что сказала?

— Почти ничего. Только что это была ошибка и что она не должна была туда идти одна.

— Кто ее там нашел?

— Клэр и еще один человек. Имя второго я так и не получил точно. В официальной версии говорили, что Вероник стало плохо, она упала, зеркало задела по пути. Стресс, переутомление, алкоголь на пустой желудок. Все очень удобно.

— Но вы не верите, — сказал Адриан.

— Она боялась не падения. Она боялась людей, которые знали, что именно она успела вынести из школы.

— И что было дальше? — спросила Клара почти шепотом.

Лоран сцепил пальцы.

— Через три недели она пропала.

За столом стало так тихо, что слышно было, как в кофемашине шипит пар в основном зале.

— Пропала? — переспросил Адриан. — То есть не умерла официально?

— Нет тела. Нет подтвержденной смерти. Только заявление о частной семейной ситуации, потом формулировка «школа прощается». Беатрис убедилась, что все звучит достаточно расплывчато. Для одних Вероник уехала лечиться. Для других — сломалась и исчезла. Для третьих — умерла. Каждый получил версию, которая ему удобнее.

— А вы? — спросила Клара.

— Я получил пустой дом и выключенный телефон.

Клара почувствовала, как к горлу подступает холод.

— И вы считаете, что ее убрали?

— Я считаю, что ее изолировали, лишили доверия, потом заставили исчезнуть из всех разговоров. А форма исчезновения уже вторична, если система достаточно сильна.

Адриан покачал головой.

— Это серьезные обвинения без доказательств.

Лоран посмотрел на него спокойно.

— У нее были доказательства.

— Где они?

— Если бы я знал, я бы не ждал появления вашей жены.

Эта фраза заставила Клару вскинуть голову.

— Почему именно я?

— Потому что вас заметили слишком быстро. Потому что кто-то внутри решил, что вы можете среагировать не так, как остальные. И потому что два дня назад в школьной базе снова открывали архивный доступ к файлам фонда за тот год.

— Откуда вы это знаете? — спросил Адриан.

— У меня остались знакомые.

— Или вы сами продолжаете копаться.

— Разумеется, продолжаю.

Клара вспомнила сообщение: не ищите в интернете. Там осталось только то, что им выгодно.

— Клэр что-то знает? — спросила она.

— Да. Но не все. И она слишком напугана, чтобы дойти до конца.

— А Шарлотта?

Лоран чуть заметно усмехнулся.

— Шарлотта знает больше, чем говорит, и говорит больше, чем ей следует. Но делает это так, чтобы никогда не быть последней, кто произнес опасную фразу.

— А Беатрис? — спросил Адриан.

Лоран перевел на него взгляд.

— Беатрис — не вершина. Но она лицо системы. Ее голос, ее фильтр, ее дисциплина. Она удерживает людей в нужных местах.

Эта формулировка почему-то напугала Клару сильнее всего.

— Вы сказали, что в школе могли вести досье на семьи, — медленно произнес Адриан. — Зачем?

— Чтобы понимать, кому что нужно, — ответил Лоран. — Карьера, ребенок, деньги, статус, молчание, услуга. Людьми легче управлять, если их слабые места разложены по папкам.

Адриан откинулся на спинку стула. Лицо его стало жестче.

— Если это правда, то вопрос уже не только в прошлом. Мы только вошли.

— Именно, — сказал Лоран.

— И наш сын у них в школе, — тихо добавила Клара.

Лоран не ответил. Он просто посмотрел на нее так, что молчание оказалось ответом.

Через минуту он достал из внутреннего кармана тонкий сложенный лист.

— Это копия части списка, который я видел у Вероник, — сказал он. — Не оригинал. Я успел запомнить и восстановить только несколько позиций позже. Имена частично сокращены. Но одно вас заинтересует.

Он положил лист на стол.

Клара развернула его.

Там были фамилии, даты, пометки, которые на первый взгляд ничего не значили: «включить осень», «контакт через фонд», «отец полезен», «дело закрыть», «перевод после ноября». И ниже, ближе к краю, карандашом:

Моро — предварительно проверить до подтверждения.

Клара уставилась на строку.

— Это невозможно, — сказал Адриан. — Мы тогда еще даже не переехали.

Лоран кивнул.

— Вот именно.

Клара подняла глаза.

— Что значит «предварительно проверить»?

— Значит, о вашей семье заговорили до официального поступления Лео.

— Кто мог это сделать? — спросил Адриан.

Лоран чуть наклонился вперед.

— Это уже вопрос, который вам стоит задавать не мне.

Когда они вышли из кафе, воздух показался холоднее, чем утром. Они дошли до машины молча. Только внутри, когда двери закрылись, Адриан заговорил:

— Кто знал о переводе заранее?

Клара медленно повернула к нему голову.

Он не смотрел на нее. Смотрел прямо перед собой.

— Адриан.

— Я спрашиваю всерьез.

— Мы. Агент по недвижимости. Твой новый партнер. Мой брат. Директор прежней школы, может быть.

— И кто-то отсюда, — сказал он.

— Ты кого-то подозреваешь?

Теперь он посмотрел на нее.

— Я начинаю подозревать, что нас ждали.

В этот момент телефон Клары снова завибрировал.

Неизвестный номер.

Всего одно сообщение.

Проверьте рюкзак Лео до того, как он вернется домой.

Глава 7

Они не поехали сразу домой.

Сначала Адриан остановил машину у обочины в двух кварталах от школы, выключил двигатель и еще раз перечитал сообщение на телефоне Клары.

— Это может быть попытка нас дернуть, — сказал он.

— А может — нет.

— Я понимаю.

Но он не заводил машину еще несколько секунд, как будто хотел удержать тот короткий промежуток, когда тревога уже есть, а подтверждения еще нет.

Потом они все-таки поехали.

В доме было тихо. Лео еще не вернулся: по субботам у него оставалась короткая факультативная программа до двух. Именно поэтому сообщение и прозвучало так точно — у них было время проверить рюкзак до его прихода.

Клара поднялась наверх первой. Рюкзак стоял у двери в комнату, наполовину расстегнутый, небрежно брошенный так, как бросают только привычные вещи, не подозревая, что кто-то скоро начнет искать в них доказательства.

Она обернулась к Адриану.

— Если ничего не найдем, это не значит...

— Знаю, — оборвал он мягко. — Смотри.

Клара опустила на корточки и открыла рюкзак полностью. Учебники, пенал, тетрадь по истории, контейнер из-под перекуса, смятая бумажка с нарисованным жуком — вероятно, Поль. Все было совершенно обычным. Настолько обычным, что на секунду ей стало стыдно за собственный страх.

Потом Адриан сказал:

— Подкладка.

Она не сразу поняла.

Он показал на внутренний боковой шов. Там ткань была чуть оттопырена, как если бы между слоями что-то застряло.

Клара осторожно просунула пальцы и нащупала сложенный вчетверо листок.

Сердце у нее провалилось вниз.

Она достала бумагу и развернула.

Это был не детский рисунок, не записка учителя и не школьное объявление.

Ксерокопия страницы из какого-то списка.

Вверху — несколько фамилий с инициалами, рядом — пометки от руки. Две строки были обведены кружком. Одна из них:

Моро, L. — интеграция через Р. наблюдать реакцию дома.

Вторая:

Arden file — not in open archive. Ask C. if boy mentioned mirror.

Клара перечитала вторую строку дважды, будто смысл мог измениться, если смотреть дольше.

— «Если мальчик упоминал зеркало», — тихо сказала она.

Адриан взял лист у нее из рук.

Лицо его стало неподвижным.

— Это уже про Лео.

— Да.

— И про Поля, вероятно, — сказал он. — «Интеграция через Р.»

— Через друга.

Клара медленно села на край кровати.

Ощущение было таким, будто в ее отсутствие кто-то вошел в самое хрупкое место их жизни и оставил там метку.

— Кто мог это положить? — спросила она.

— Любой взрослый с доступом к вещам детей. Или ребенок, которому сказали передать лист, не зная, что это.

— Зачем прятать в подкладку?

— Возможно, не для нас.

Клара резко подняла голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Если это канал передачи, лист могли спрятать для кого-то, кто должен был вынуть его позже. Или наоборот — уже забыл это сделать. Сообщение могло быть предупреждением не потому, что вещь предназначалась нам, а потому что кто-то внутри не хочет, чтобы она вернулась в оборот.

Она почувствовала новый укол холода.

— Значит, Лео могли использовать как курьера.

— Неосознанно — да.

Несколько секунд они молчали.

Потом Клара сказала:

— Мы забираем его из школы.

Адриан не ответил сразу.

— Прямо сейчас? Посреди всего?

— Да.

— Это вызовет вопросы.

— Мне плевать.

— А мне нет, потому что если мы резко дернемся, не понимая масштаба, мы только покажем, что нашли что-то важное.

Клара вскочила.

— Адриан, в рюкзаке нашего сына лежит лист с пометкой «наблюдать реакцию дома»!

Что тут еще понимать?

Он тоже повысил голос:

— А понимать нужно то, что именно этого от нас могут ждать!

Тишина после крика была почти оглушительной.

Клара тяжело дышала. Адриан провел рукой по волосам, пытаясь вернуть контроль над собой.

— Прости, — сказал он уже тише. — Но паника сейчас — роскошь.

— Это не паника.

— Это страх, и он оправдан. Но нам нужен план.

Клара закрыла глаза на секунду.

Да, подумала она. План. Если еще не поздно.

Адриан снова посмотрел на лист.

— «Ask C.» Кто это может быть? Клэр? Клара? Кто-то еще.

— И «Arden file — not in open archive». Значит, архив есть. Закрытый.

— Да.

Он достал телефон, сделал несколько снимков листа с обеих сторон, затем аккуратно убрал оригинал в прозрачный файл для документов, найденный в ящике стола.

— Нам нужен Лоран, — сказала Клара.

— И не только он.

— Что ты имеешь в виду?

Адриан посмотрел на нее с таким выражением, которое она не сразу смогла прочитывать.

— Есть человек, с которым я могу поговорить.

— Кто?

Он колебался слишком долго.

— Когда мне предложили позицию здесь, решение проходило не только через фирму. Было одно неофициальное собеседование. Формально — деловой ужин. На деле меня оценивали.

Клара уставилась на него.

— Ты не говорил.

— Потому что тогда мне это не показалось важным.

— А теперь?

— Теперь на этом листе наша фамилия появилась до переезда. Значит, могла быть цепочка, о которой я не знал или не захотел задуматься.

— Кто был на этом ужине?

Адриан отвернулся к окну.

— Среди прочих — один из попечителей фонда Сен-Бернар.

— Имя.

— Этьен Валуа.

Клара медленно произнесла:

— И ты мне не сказал, что твоя работа могла быть связана с людьми из школы?

— Потому что это не выглядело как связь со школой! — Он резко обернулся. — Это выглядело как обычная местная сеть влияния. Такие вещи везде бывают, Клара. Да, мне это не понравилось. Да, я отметил, что здесь все завязано теснее, чем хотелось бы. Но я не думал, что нас уже тогда вносили в какие-то списки.

— Но ты знал, что нас оценивают.

— Меня — да. Не Лео. Не нас как семью в таком виде.

Ей хотелось злиться сильнее, но она видела по его лицу, что он и сам уже пересматривает собственные решения с пугающей скоростью.

— Что за человек этот Валуа? — спросила она.

— Инвестор. Несколько благотворительных проектов. Попечительский совет Сен-Бернар. И, если верить разговорам, человек, который не любит оставлять ничего на волю случая.

— Отлично, — тихо сказала Клара. — Просто отлично.

Внизу хлопнула входная дверь.

Они оба замерли.

— Мам? — раздался голос Лео.

Клара мгновенно спрятала файл с листом в верхний ящик комода. Адриан застегнул молнию рюкзака и поставил его обратно у двери.

Когда Лео поднялся наверх, они уже стояли как будто посреди обычного разговора.

— Почему вы оба здесь? — спросил он. — Выглядите так, будто нашли труп в шкафу.

Ни Клара, ни Адриан не улыбнулись.

Лео нахмурился.

— Что?

Клара подошла к нему.

— Нам нужно задать тебе пару вопросов.

— Это уже звучит плохо.

— Просто ответь честно, ладно?

Он пожал плечами, но заметно насторожился.

— Ладно.

— Кто сегодня прикасался к твоему рюкзаку? — спросил Адриан.

Лео моргнул.

— Не знаю. Я.

— Еще кто-нибудь? Учитель? Одноклассник? Поль?

— Поль мог задеть. Мы менялись местами после занятий. А что?

Клара присела перед ним, чтобы быть на уровне глаз.

— Тебе кто-нибудь что-нибудь передавал? Просил взять, отнести, сохранить, не показывать нам?

Лео сразу отвердел лицом. Именно это — не удивление, а внутренняя защита — Клара заметила первой.

— Нет, — сказал он.

Слишком быстро.

— Лео.

— Нет.

Адриан сделал шаг ближе.

— Посмотри на меня.

Лео посмотрел.

— Если кто-то попросил тебя о чем-то странном, ты не виноват. Но нам нужно знать.

Несколько секунд он молчал.

Потом отвел глаза.

— Это не было странно.

Клара почувствовала, как в груди все сжимается.

— Что именно?

— Поль сказал, что это игра.

— Какая игра? — спросил Адриан.

— Ну... типа проверка, кому можно доверять. Он дал мне конверт во вторник и сказал, чтобы я не открывал, а просто положил в рюкзак и потом отдал ему после факультатива. Но я забыл.

Клара и Адриан переглянулись.

— Конверт? — тихо переспросила она. — Какой конверт?

— Белый. Маленький.

— Ты его не открывал?

— Нет.

— И никому не отдавал?

— Нет, я же сказал, забыл.

— А Поль потом спрашивал?

Лео кивнул.

— Вчера. Я сказал, что, наверное, потерял. Он разозлился.

— Очень? — спросил Адриан.

— Не знаю. Не на меня как будто. Просто сказал: «Черт, только не это». Потом спросил, не видел ли кто-нибудь еще. Я сказал, что нет.

Клара с трудом удерживала спокойный голос.

— И про зеркало. Кто-то говорил с тобой про зеркало?

Лео заморгал чаще.

— Откуда ты знаешь?

У Клара похолодели ладони.

— Просто ответь.

— Поль спросил в среду, не рассказывали ли вам дома что-нибудь про старый зал. Я сказал, что нет. Тогда он сказал, что его мама все время твердит, что про зеркало дети знать не должны, потому что дети все портят, если начинают болтать.

Адриан очень медленно выпрямился.

— Его мама? — переспросил он. — Кто его мать?

— Я не знаю. Я же не спрашивал паспорт, — буркнул Лео, уже понимая, что взрослые напуганы сильнее, чем хотят показывать.

— Как выглядит Поль? — спросила Клара, вдруг осознав, что видела его лишь мельком.

— Очки. Светлые волосы. Постоянно говорит. Я уже рассказывал.

— Нет, я про мать.

— А. Ну... высокая. Очень ровная. Как будто все время злая, но тихо.

Клара посмотрела на Адриана.

— Шарлотта?

— Или Клэр. Или кто-то, кого мы еще не знаем, — ответил он.

Лео сделал шаг назад.

— Да что происходит?

Тот самый момент, подумала Клара, когда ребенок уже понял достаточно, чтобы бояться, и слишком мало, чтобы защититься.

— Ничего, что касается твоей вины, — сказала она. — Ты правильно сделал, что сказал.

— Но я не сразу сказал.

— Теперь сказал.

Он посмотрел на обоих.

— Это из-за школы?

Никто не ответил сразу.

— Я больше туда не пойду? — спросил он.

Этот вопрос завис в воздухе.

Клара почти сказала «не пойдешь». Но Адриан опередил:

— Пока мы ничего не меняем резко.

Лео перевел взгляд на мать.

— То есть пойду.

Клара увидела, как на его лице появляется не протест, а разочарованная взрослость — та самая, которая приходит к детям слишком рано.

— Мы решим очень скоро, — сказала она. — Обещаю.

— Вы так говорите, когда еще не решили.

И ушел в ванную, закрыв за собой дверь чуть сильнее, чем обычно.

Клара развернулась к Адриану.

— Ты серьезно?

— Да.

— После этого?

— После этого особенно. Если мы дернем его сейчас, они поймут, что канал вскрыт.

— «Они», «канал», «вскрыт» — ты слышишь, как мы уже говорим? Как будто это нормальная ситуация!

— Нет, это не нормальная ситуация. Поэтому я не хочу действовать как в нормальной.

Она подошла к окну, уперлась ладонями в подоконник.

— Я не позволю использовать его снова.

— И я не позволю. Но если мы хотим понять, кто именно стоит за Полем и что еще уже запущено, нам нужен хотя бы один шаг впереди, а не назад в панике.

Клара обернулась.

— Ты слишком быстро начал рассуждать как человек, который уже знает правила.

Его лицо замерло.

И она сразу поняла, что попала.

— Адриан.

Он отвел взгляд.

— Что?

— Что ты мне не сказал еще?

Он молчал.

— Адриан.

— На том ужине с Валуа, — медленно начал он, — упоминали одно имя.

Она ждала.

— Не Вероник. Тебя.

Клара почувствовала, как воздух в комнате будто стал плотнее.

— Меня?

— Мимоходом. Как будто случайно. Он спросил, не ты ли та самая Клара Дюваль, которая несколько лет назад работала у нотариуса Ренье в Лионе.

Собственная девичья фамилия прозвучала почти инородно.

— И?

— Я сказал, что да, раньше ты действительно работала там. Он кивнул, и разговор пошел дальше. Тогда мне это показалось обычной светской проверкой биографии.

Клара медленно покачала головой.

— Нет. Нет, это не обычная проверка.

— Почему?

Она смотрела на него и чувствовала, как прошлое, которое не имело отношения к переезду, внезапно подходит слишком близко.

— Потому что у Ренье был клиент по фамилии Арден.

Адриан застыл.

— Что?

— Я не знаю, Лоран или нет. Документы я не видела целиком. Но фамилия была. И еще... — Она запнулась, вспоминая. — Был конфликт из-за какого-то траста или наследственного фонда. Что-то семейное, закрытое, с пометкой о давлении на доверенное лицо. Мне тогда запретили обсуждать это даже внутри офиса.

Адриан смотрел на нее так, будто впервые увидел недостающую часть схемы.

— Ты уверена?

— Я уверена в фамилии. И в том, что дело было неприятное. Очень.

— Ты никогда мне не рассказывала.

— Потому что это была чужая юридическая история пятилетней давности. Я даже не думала об этом до сейчас.

Они замолчали.

Из ванной вышел Лео, не глядя на них, прошел в свою комнату и закрыл дверь.

Клара понизила голос.

— Если Ардены были связаны с чем-то еще до школы, тогда Вероник, возможно, копала не только фонд.

— А глубже, — сказал Адриан.

— Нам нужен Лоран. Снова.

— И Валуа, — добавил Адриан.

Клара уставилась на него.

— Ты собираешься к нему идти?

— Если он действительно помнит твоё имя и знал о нас заранее, то да.

— Это опасно.

— Согласен.

— И все равно пойдешь?

Он выдержал ее взгляд.

— Мы уже внутри, Клара. Похоже, давно.

Телефон Адриана зазвонил.

Номер был неизвестный.

Они оба смотрели на экран, пока звонок не оборвался.

Через секунду пришло голосовое сообщение.

Адриан включил его на громкую связь.

Сначала — шорох, как будто телефон лежал в кармане. Потом детский голос. Голос Поля.

— ...я не хотел, правда. Мама сказала, что так надо, потому что у всех есть роль. А потом она увидела, что конверт пропал, и...

Дальше раздался резкий звук, будто телефон схватили.

Затем женский голос — тихий, ледяной, отчетливый:

— Если хотите, чтобы дети и дальше оставались только свидетелями, прекратите задавать вопросы не тем людям.

Сообщение оборвалось.

Клара почувствовала, как у нее дрожат руки.

Адриан уже не пытался никого успокаивать.

Он только сказал:

— Теперь все. Больше мы не ждем.

Глава 8

После голосового сообщения все стало проще и страшнее одновременно.

Проще — потому что исчезла последняя возможность делать вид, будто это цепочка недоразумений, слухов и чужих проекций. Страшнее — потому что угроза больше не пряталась за полунамеками. Теперь в ней прозвучало слово, от которого у Клары внутри все сжалось сильнее, чем от имени Вероник.

Дети.

Адриан выключил воспроизведение и сразу поставил телефон в авиарежим.

— С этого момента все сохраняем отдельно, — сказал он. — Скриншоты, аудио, фото, бумагу. В облако не грузим.

— Ты говоришь так, будто делал это раньше.

— Не в таком виде. Но принцип тот же.

Он уже был в режиме действия, и Клара не знала, успокаивает ее это или пугает.

— Что сначала? — спросила она.

— Сначала Лео не остается один. Вообще.

— Согласна.

— Второе: я позвоню человеку, который может проверить Валуа неофициально.

— Кто это?

Адриан на секунду замялся.

— Бывший коллега. Сейчас работает с корпоративной безопасностью. Иногда копает глубже, чем написано в визитке.

— А третье?

Он посмотрел на нее.

— Ты снова встретишься с Лораном. Но уже не одна.

— Он не станет говорить при тебе.

— Значит, я буду рядом, но не за столом.

Клара хотела возразить, но не смогла. После голоса Поля спорить о независимости уже не было сил.

Они спустились вниз. Лео сидел на диване с планшетом, но не играл — просто смотрел в экран, не перелистывая страницу. Когда они вошли, он сразу поднял глаза.

— Что теперь?

Ни один ребенок не должен задавать это таким тоном, подумала Клара.

Она села рядом и взяла его за руку.

— Теперь ты говоришь нам все, даже если кажется, что это ерунда.

— Я уже понял.

— И если кто-то в школе просит что-то передать, спрятать, никому не рассказывать...

— Я не делаю этого, — перебил он. — Да, я понял.

Он был раздражен, но не от упрямства, а от стыда. Клара чувствовала это слишком ясно.

— Это не про то, что ты должен был догадаться, — мягче сказала она. — Это про то, что взрослые иногда делают плохие вещи и прикрываются игрой.

Лео смотрел на нее внимательно.

— Меня переведут?

Адриан ответил первым:

— Возможно.

— А Поля?

— Пока не знаем.

Лео опустил взгляд.

— Он не всегда плохой.

Клара переглянулась с Адрианом.

— Я знаю, — сказала она. — Но это не отменяет остального.

Вечером дом изменился даже внешне. Адриан проверил камеры у входа, сменил код сигнализации, закрыл садовую калитку на дополнительный замок. Казалось бы, все это должно было выглядеть чрезмерно, но на фоне последних часов уже не выглядело.

Клара поднялась в кабинет и впервые за все время начала раскладывать происходящее не по ощущениям, а по линии событий.

Переезд был замечен заранее.

Их фамилия фигурировала в списках до поступления Лео.

Кто-то пытался использовать ребенка как канал передачи.

Вероник Арден исчезла после того, как начала собирать доказательства.

Беатрис не вершина, а лицо.

Этьен Валуа интересовался Кларой еще до их появления в школе.

Фамилия Арден всплывала в ее старой работе у нотариуса Ренье.

Если убрать эмоции, оставалась структура. И именно она пугала больше всего.

Около девяти вечера Адриан вошел в кабинет с двумя кружками кофе.

— Я дозвонился до Марка, — сказал он.

— Того самого коллеги?

— Да. Он проверит Валуа и фонд Сен-Бернар через доступные ему каналы. Неофициально и без следа, насколько это возможно.

— Он спросил зачем?

— Я не рассказал все. Сказал, что семейная ситуация, возможное давление через частную школу, нужно понять круг людей.

— И он согласился?

— Судя по тону, ему стало интересно.

Клара взяла кружку.

— Это меня не успокаивает.

— Меня тоже.

Он сел напротив.

— А ты? Что вспомнила про Ренье?

Клара провела пальцем по краю кружки.

— Очень мало, и это бесит. У нотариуса я в основном готовила выписки, сопровождение встреч, архивные пометки. Закрытые семейные дела нам редко раскрывали целиком. Но фамилия Арден была точно. И еще я помню, что однажды Ренье вышел после разговора очень злой. Сказал кому-то по телефону: «Если они превращают частный фонд в механизм давления, я не буду это заверять».

Адриан медленно поднял глаза.

— Ты уверена в формулировке?

— Не слово в слово. Но смысл именно такой. «Фонд», «давление», «не буду заверять». Это я помню.

— Частный фонд. Может быть, не школьный.

— Или не только школьный.

Он кивнул.

— И Валуа мог знать об этой истории. Потому и узнал твою фамилию.

Клара долго смотрела в стол.

— Получается, я могла быть в их поле зрения еще до переезда. Не как Клара Моро, а как Клара Дюваль.

— Если кто-то связывал старые документы с Арденами — да.

Тишина повисла ненадолго, но в ней уже было слишком много.

— Нам нужен архив Ренье, — сказала Клара.

— А у тебя есть доступ?

— Уже нет. Но архив мог перейти партнеру после его смерти.

— Он умер?

— Полтора года назад.

— И ты молчала обо всем этом как о «чужой юридической истории»?

Она устало посмотрела на него.

— Да. Потому что именно такой она и была до вчерашнего дня.

Утром Клара написала Лорану короткое сообщение:

Нужна встреча сегодня. Срочно. У нас новая информация о детях и о старом деле через Ренье.

Ответ пришел через восемь минут.

В 13:00. Сквер у церкви Сен-Мартен. Без прямого сопровождения.

— Он издевается, — сказал Адриан, прочитав сообщение.

— Он боится.

— И все еще диктует условия.

— Потому что, возможно, жив только поэтому.

Они решили, что Адриан действительно не подойдет к встрече напрямую. Он останется в машине на соседней улице, а у Клары будет включена запись и наушник под волосами — простая связь через звонок, чтобы он слышал разговор.

Сквер у церкви Сен-Мартен оказался почти пустым. День был холодный, с низким серым небом и скамьями, блестящими после недавнего дождя. Несколько пожилых людей медленно шли вдоль ограды, кто-то выгуливал собаку. Ничего особенного. И все же Клара, подходя к центральной аллее, чувствовала себя так, будто идет на допрос.

Лоран ждал у каменной стены, рядом с облетевшим кустом роз.

— Вы все-таки пришли, — сказал он.

— У нас нашли документ в рюкзаке Лео.

Это действовало мгновенно. Лоран словно внутренне собрался.

— Что за документ?

Клара передала ему фото листа, не оригинал. Он просмотрел снимок и тихо выругался.

— Я так и думал.

— Что именно?

— Что они снова используют детей как безопасный коридор. Не всегда для передачи самих документов. Иногда для проверки: что всплывает, кто замечает, как реагируют родители.

— На листе было «наблюдать реакцию дома».

— Да. Значит, вы уже не периферия. Вы интересуете их всерьез.

Клара подавила желание оглянуться.

— И там была строка про зеркало. «Спросить С., упоминал ли мальчик зеркало».

Лоран нахмурился.

— С. может быть Клэр. Почти наверняка.

— А может быть и не только.

Он кивнул.

— Может. Но Клэр уже была связующим звеном в ту ночь.

— В ночь с Вероник?

— Да.

Клара сделала вдох.

— Мне нужно, чтобы вы рассказали все, что знаете о старом зале. Без недомолвок.

Лоран некоторое время молчал.

— Вероник считала, что в старом зале раньше проходили закрытые встречи не комитета, а более узкого круга. Неофициальные. Там обсуждали семьи, которых хотели «ввести», и семьи, которых нужно было «вывести». Иногда — через школу. Иногда — через фонды и юридические конструкции.

— Какие конструкции?

— Попечительство, стипендии, трасты, рекомендательные письма, медицинские заключения, дисциплинарные решения. Все, что можно оформить как помощь или как процедуру.

Клара почувствовала, как внутри вспыхивает новая связь.

— Ренье сказал что-то про частный фонд как механизм давления.

Лоран резко посмотрел на нее.

— Когда?

— Несколько лет назад. У нотариуса, где я работала. Там всплывала ваша фамилия. Или фамилия вашей семьи.

На лице Лорана впервые появилось не просто напряжение, а настоящее потрясение, плохо скрытое.

— Моей семьи?

— Да.

Он отвернулся, несколько секунд глядя мимо нее, на серую дорожку сквера.

— Тогда это был не школьный фонд, — сказал он наконец. — Это был семейный траст Арденов.

— Связанный с Вероник?

— Опосредованно. Моя семья старая, деньги старые, связи еще старше. После смерти отца часть активов должна была перейти в независимое управление. Вероник настояла, чтобы аудит был внешним. Именно тогда она увидела пересечения.

— Пересечения между чем и чем?

— Между семейным трастом, двумя благотворительными структурами и людьми, сидевшими в попечительском совете Сен-Бернар. Деньги шли не напрямую. Но сеть была одна и та же. Вероник поняла, что школа — только фасадный узел для отбора лояльных семей.

Клара почувствовала, как крошечные фрагменты наконец начинают складываться.

— И Валуа?

Лоран медленно посмотрел на нее.

— Конечно, Валуа.

— Он управлял трастом?

— Неофициально влиял. Формально — через доверенных лиц и советников. Он всегда предпочитал стоять рядом с документом, а не на нем.

В наушнике Клара услышала очень тихое дыхание Адриана. Значит, он тоже это понял.

— Тогда почему ваша жена не пошла в полицию? — спросила она.

Лоран усмехнулся без улыбки.

— С чем? С ощущением, что сеть влияния пронизывает частную школу, благотворительный фонд, пару банковских контуров и несколько семей? Нужны были документы. Конкретные. Подлинники. А они у нее были не все. Только часть.

— Где остальная часть?

— Она спрятала ее до исчезновения.

— Где?

— Если бы я знал, я бы не ждал так долго.

Клара внимательно смотрела на него.

— Но вы что-то подозреваете.

Лоран кивнул.

— Да. Вероник оставляла подсказки только там, где они выглядели случайностью. В книгах, в старых рамках, в детских вещах, в местах, которые никто не считает архивом. И еще она верила в одно правило: если хочешь спрятать опасную вещь, оставь ее рядом с чем-то эмоционально невыносимым. Тогда люди будут смотреть и не видеть.

— Зеркало, — сказала Клара.

— Возможно.

— Но его сняли.

— Да.

Клара замерла.

— Куда дели разбитое зеркало?

Лоран смотрел на нее так, будто этот вопрос он сам задавал себе сотни раз.

— Официально — утилизировали.

— А неофициально?

— Не знаю. Но Вероник была уверена, что зеркало важнее, чем кажется. Не как предмет сам по себе. Как место. Как задник для чего-то спрятанного или увиденного.

В наушнике тихо щелкнуло — Адриан, вероятно, менял положение телефона.

— Есть еще одно, — сказала Клара. — Валуа упоминал мою девичью фамилию еще до переезда. Он знал, что я работала у Ренье.

Лоран закрыл глаза на секунду.

— Тогда вас проверяли давно.

— Зачем?

— Либо потому, что вы могли видеть больше, чем понимали. Либо потому, что кто-то решил: вы потенциальный риск, если соедините имя Арден с делами Ренье. А потом вы приехали сюда сами. С ребенком. В школу.

Клара вдруг очень ясно ощутила, что это не она вошла в историю Вероник. История давно подвигалась к ней сама.

— Что мне делать? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.